

П. В.
АННЕНКОВ

Сочинения

Павел Анненков

Письма из-за границы

«Public Domain»

1843

Анненков П. В.

Письма из-за границы / П. В. Анненков — «Public Domain», 1843

«Письма из-за границы» писались Анненковым во время его первого зарубежного путешествия и по мере написания публиковались в журнале «Отечественные записки» за 1841–1843 гг., в отделе «Смесь». Отдел был выбран не случайно: он позволил скрыть «Письма» от цензуры. Стилистая манера «Писем», их иронический тон, обилие информации о культурной жизни Запада, обилие имен второстепенных актеров – все направлено было к тому, чтобы отвлечь внимание цензуры от основного – социально-политической и философской информации.

Содержание

I	5
II	9
III	11
IV	13
V	16
VI	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29
Комментарии	

Павел Васильевич Анненков

Письма из-за границы

I

Гамбург. 12-го ноября 1840 года.

В три часа ночи снялись мы с якоря, отъехали восемь верст или немецкую милю и остановились: нас захватил туман и прикрыл словно матовым, стеклянным колпаком. Целое воскресенье простояли мы на якоре; кругом какая-то белесоватая мгла, и точно зашили нас в мешок и кинули в море, как неверную ханым. Мы начинали приходить уже в отчаяние и, как матросы Христофора Колумба, в безумном ропоте хотели посягнуть на особу капитана Босса, который в огромных медвежьих сапогах, с сигаркой во рту, стоял почти весь день у компаса, как вдруг в понедельник, часа в два утра, приятное колыхание в моем гробике возвестило мне, что мы тронулись. Я выбежал на палубу: море было тихо, да ненадолго. Со вторника на среду в ночь ветер начал крепчать, крепчать, пароход заскрипел, стал качаться из стороны в сторону, а с ним вместе и мой мозг, и вся моя внутренность. Почти на короточках притащился я к трубе; там уже лежал К<атков>^[1], и мы, упираясь головами, пролежали так до глубокой ночи, не говоря, не думая, а следовательно, и не кушая... Гнусное положение! А между тем пароход то подымался, то уходил в волны: несколько раз белоголовая волна, как тень Сумбеки (в балете того же имени)^[2], вырастала перед нами и, опрокидываясь, обливала пеной палубу и нас: однакож чистоплотный капитан Босс на этот случай поставил матроса с метлою и велел сгонять без пощады всякую потаскушку такого рода. Наконец, в четверг прояснилось, утихло, успокоилось, и в 8 часов мы прибыли в Травемюнде^[3].

Прежде, чем стану описывать впечатление, произведенное на меня первым местечком Германии, скажу, что в ночь с среды на четверг я очнулся по случаю уменьшившейся качки, осмотрелся кругом и вдали увидел яркую, огненную точку. Самым скверным немецким языком, какой только может существовать, спросил я у матроса: «Что это за маяк?» – «Es ist¹, – отвечал он мне, – шведский остров Борнгольм». Не поверите, как живо представилась мне комната, в которой читал я, сидя за столом, измаранным чернилами и изрезанным перочинными ножичками, длинную книгу под заглавием «Сочинения Карамзина». Я тут все вспомнил, до последней подробности: и девушку, и страдальца, и стихи, и фразу: «Я стоял на палубе, прислонясь к мачте; слеза катилась по щеке – ветер снес ее в море»^[4], и все, все... Мне еще кажется до сих пор обманом со стороны географии и истории, утверждающих, будто Борнгольм принадлежит какой-то другой стороне, а не России. Ну, да это в сторону!.. Травемюнде! Травемюнде! Захватив чемоданы, бросились мы на берег. Я смотрел, вытаращив глаза, на эти домики, прижавшиеся друг к другу так плотно, как стадо оленей в Сибири, захваченное сорокаградусным морозом, и вытянувшиеся, как пьявка, из которой выжимают кровь. Несмотря на глухую ночь и позднее время, мы пошли осматривать местечко в сопровождении одного немца и одного француза, наших товарищей по пароходу. В 12 часов были мы уже на ночлеге в Hotel de Russie, но заснули только в 2, болтая обо всех вас^[5]. В 7 часов утра стоял уже у крыльца шульваген² с почтальоном в фуражке с красным околышем, с красными и белыми шнурками по синему мундиру и рожком. Мы сели и покатались в Любек. Тут проехали мы мимо часового из милиции... Что за пышная фигура! Я по глазам и по всему выражению лица

¹ Это (нем.).

² Шульваген (от нем. Stulnwagen) – общественный экипаж.

узнал тотчас, что он отец многочисленного семейства и еще три четверти ночи провел в объятиях доброй своей женушки, под двумя пуховиками. Вообразите маленькое существо с красивыми ногами, которые так не привыкли к узким панталонам, что непременно должны ныть и тосковать; маленький, сплюснутый кивер на огромной тевтонской голове и страшное ружье, на которое он посматривал с недоверчивостью... За часовым открылись нам поля, разделенные кустарником на многочисленные участки; река Траве, которая несколько времени бежала за нами, но потом, вероятно, наскучив нашими веселыми лицами, поворотила и скрылась куда-то; крестьянки в фартучках, в соломенных шляпках и с коромыслами на плечах; краснощекие граждане в огромных телегах, заваленных мешками с хлебом; фермы и деревни по всем сторонам, и всюду на улицах, земле, строениях, камнях, людях выражение благосостояния и довольства, которые в единый момент пояснили мне «Германа и Доротею» Гете^[6] и действительность этого поэтического произведения. Так въехали мы в Любек.

Любек поразил и очаровал нас. Мы переехали не только Балтийское море, но переехали прямо в Европу средних веков. За исключением стен, разрушенных Наполеоном^[7], город остался таким, как застал его Лютер^[8]. Поразительны эти узкие улицы, эти огромные дома, страдающие чахоткой, дома в семь и восемь этажей, с готическими фасадами, выступами, балконами, завитками, и все так тесно, так сжато, что скрывает свет божий, и кажется, идешь не по улице, а по ущелью, образовавшемуся от раздвоения огромной скалы. Мы остановились в Штат-Гамбурге для того только, чтоб съесть дюжину-другую устриц, и тотчас же отправились в кафедральную церковь Дом-Кирхе. Здесь видели мы перл Любека, которым он гордится и кокетничает перед путешественниками. Это картина Иоганна Гемлинга, одного из учеников Дюрера^[9], изображающая на трех раскрывающихся досках «Несение Креста», «Смерть Спасителя» и «Вознесение». О, какое важное дело было искусство для этих благочестивых мастеров средних веков! Трудно себе вообразить, до каких мелочных подробностей доходили они, как вникали они в самомалейшую часть целого и как с равным тщанием и с равной любовью отделявали последнюю шашечку креста на башне церкви и главный алтарь ее. Вот и Гемлинг на образе святого вырабатывает каждую кисточку его ризы, каждый алмазик и украшенище, всякий волосок в бороде Каиафы^[10] режет глаз своею оконченностью, и наконец, труженик-живописец доходит до того, что группу кидающих жребий об одежде Христа^[11] отражает целиком в латах близстоящего воина. Еще более подтверждается эта мысль о важности священного искусства в те времена необыкновенною религиозностью самих изображений. Тут все плачут: женщины, ломающие руки у подножья креста, поразительно страдают; сами исполнители казни взирают на божественного страдальца с соболезнованием, и Каиафа даже задумчив и печален! В довершение всего, на картине «Несение Креста» сам художник в своем национальном костюме изобразил себя. Чудо, какая картина! Мы едва оторвались от нее. И вот Овербек^[12], проживающий, как говорят, теперь в Риме, хотел забыть все успехи живописи, обратиться к этой Чрозаичности, так сказать, объявить себя не знающим перспективы, лишь бы произвести столь же простое, теплое, поразительное. Надобно было необычайное усилие, чтоб сделаться младенцем в душе, и действительно, он употребил пятнадцать лет, чтоб произвести картину «Вшествие Христа в Иерусалим», которая стоит в другой церкви Любека, Мариен-Кирхе, и считается вторым перлом города. Выражение лица Спасителя удивительно: такое спокойствие, такая глубокая дума и такая скорбь! Разнообразие ощущений на лицах, составляющих толпу, поразительно. В любекских церквях меня еще поразило соединение самых строгих предметов с самым безграничным, свободным юмором; об этом я слыхал — теперь увидел своими глазами.

Наконец, отправились мы в ратгауз и в большой зале видели покойные софы для членов магистрата^[13], и у каждой софы по чистой плевательнице. По стенам развешаны десять аллегорических картин, вероятно, придуманных самим магистратом, ибо еще ни один земнорож-

денный, как отдельное лицо, не мог бы снести на плечах такой огромной ноши поэзии и воображения. Тут ключи изображают молчание, дети – скромность, зеркала – осмотрительность, женщины – твердость духа, мужчины – целомудрие, собаки – коварство, и проч. и проч. Вечером пошли мы гулять с К<атковым> кругом города по валу – прежде бывшим укреплением, Обратившимся в сады; видели бедный памятник мяснику Пралю, расстрелянному в 1813 году за смелые слова^[14], «für ein kiühnes Wort»³, как сказал нам мимо проходивший бедняк-немец. Во время пребывания французов он обмолвился замечанием, что не худо бы «выгнать французов», и был без суда расстрелян.

Луна ярко горела на небе (когда вошли мы в город Holsten-Thor)⁴, Освещая огромные башни этих ворот, соединенные переходами (единственный остаток прежде бывших стен), и отражаясь в Траве, бегущей в этом Шесте между рядами спершихся домов, из коих многие уже наклонились, а многие стоят с пустыми стеклами – они, слышавшие звучание рыцарских шпор, звон палаша по каменному полу и крики чудных оргий. Уж мы мечтали, мечтали с К<атковым>, стоя на мосту, откуда виднелись и позолоченная месяцем река, и посеребренные окна Holsten-Thor... На другой день, рано утром, сели мы в колясочку и отправились в Гамбург, беседуя с любовью о старом Любеке, который пользуется, как в Германии, так и в России, репутацией самого скучного города весьма неосновательно. Вот дорога так уж скучна, нечего сказать: через каждую милю кучер въезжал на постоянный двор, покрывал попоной лошадей и давал им по клочку сена; потом отворял дверцы колясочки и говорил самым спокойным голосом: «Погуляйте, покуда лошади перекусят». Шестидесят верст ехали мы ровно 12 часов. У ворот Гамбурга Stein-Thor⁵ подошел к нам чиновник и, вынимая учтиво часы из бокового кармана, поднес их к самым глазам нашим. Я хотел поблагодарить его за такое внимание, как, отняв часы, он подставил чашку и повелительным голосом произнес: «6 шиллингов». У других ворот та же история. Это, изволите видеть, маленький штраф за позднее вступление в город^[15]: старый обычай! Но странно, что большая часть старых обычаев уже истреблена, а для этого старого обычая правительство поставило даже две прекрасные каменные будочки.

Гамбург! До тех пор, пока не наскучит путешествие, я буду ставить перед каждым городом восклицательные знаки. Итак – Гамбург! Что это за чудесный Альстер, два раза разлившийся озером и, как поясом с бриллиантовой пряжкой, сжатый аллеями вала и мостом, связывающим их! Что за чудесная Эльба, усеянная пароходами и судами, когда смотришь на нее сверху из павильона! Город так же тесен и узок, как Любек, но торговля, богатство совлекли уже с него несколько строгий, готический вид, и старые суровые дома изукрашились огромными зеркальными стеклами и великолепными магазинами. Не знаю, по той же ли причине, или самая реакция против католицизма была здесь сильнее, или время и французы 1813 года грабили здесь дружнее, – только главные церкви не сохранили в себе от давно прошедшего ничего, кроме наружного вида. В одной только Petri-Kirche с чудесным остроконечным шпилем отвели мы душу портретами толстощекого Лютера и холерика Меланхтона^[16], да картиною Франка^[17]. Лучшая церковь – это, без сомнения, Michaelis-Kirche, во вкусе Возрождения. Мы залюбовались гармонией во всех частях и украшениях ее, вошли на самую вершину стройной башни, и весь Гамбург с соседкою своею Альтоной, городом, уже принадлежащим Дании, представился нам в полной красе с остроконечными черепичными кровлями, как толпа бояр русских в стародавних шапках. В Гамбурге есть еще другой Гамбург: это задняя сторона улиц, омываемая каналами у самой подошвы домов, куда стекает нечистота и где на бесчисленных переходцах, балкончиках и выступцах развешено белье сенаторов и проч. Кто не бывал в Гам-

³ «За одно смелое слово» (нем.).

⁴ Holstern Thor – деревянные ворота (нем.).

⁵ Каменные ворота (нем.).

бурге, тот не может понять, что значит переулок, закоулок, нора, чердачок, дырочка. И везде живут, и все это днем ходит, торгует, просит милостыни, играет на улице из Вебера и Моцарта и пропадает ночью, – зато нельзя и представить себе, какое оглушительное Движение, какая жизнь и суета днем.

Вчера были мы в Stadt-театре^[18], лучшем из трех театров города. Концерт давал знаменитый Лист. Магистрат повестил ему, что он не позволит ему положить ни одного лишнего шиллинга на места против обыкновенной цены, а обыкновенные цены следующие: нумерованные скамьи – 2 марки 4 шиллинга (около трех рублей ассигн.), а партер – 1 марка 12 шил. (два рубля с небольшим). И согласился Лист. Вот в восемь часов вся небогатая зала театра наполнилась черными шляпами, под которыми находились музыкальные головы немцев. Сперва посидели тихо, как прилично воспитанным людям, потом стали шушукать, потом стучать, наконец, со всех сторон послышались крики: «Начинайте, начинайте!» Несколько благоразумных особ хотели успокоить это нетерпеливое шиканьем, в котором ясно слышался упрек; противная сторона обиделась; начался шум. Вдруг кто-то свистнул, и вся эта толпа вдруг почувствовала неприличие поступка и всеобщим шиканьем и криками «heraus»⁶ наказала шалуна. Наконец, поднялся занавес; все скинули шляпы; сыгралась увертюра из «Эгмонта» Бетховена, и вот вышел небольшого роста бледный молодой человек, с длинными волосами. Публика захлопала, музыканты троекратно проиграли туш; он поклонился публике и музыкантам и сел за фортепьяно. Гиммеля^[19] концерт исполнил он гениально; игра его невыразима; это соединение Тальбега^[20] с Фильдом^[21], удивительного механизма с самым страстным выражением и самую увлекательную грацией. Потом стал он выбирать для импровизации темы, положенные заранее в урну, стоявшую в зале: публика потребовала тему из «Нормы»^[22], «Фигаро» Моцарта и ««Лукреции»»^[23], и он играл, играл... Ему кричали, ревели – он все играл и кончил страшным, громовым чем-то, произведшим необыкновенный эффект.

Я вам не говорю о бирже^[24], куда стекаются тысячи каждый день в час, и Borsen-Halle⁷, ллойдовой кофейне Гамбурга^[25]. Тут все газеты Европы, тут получают все книги, чем-нибудь приобревшие известность, тут тотчас выставляется на черной доске всякая новость, случившаяся в каком-нибудь уголку Европы и по чему-либо примечательная. Я купил Гейне, который так расхвывается, что восемь частей его стоят уже семь червонцев. Когда я говорю об этом с кем-нибудь из платдойчеров⁸ трак он на меня всегда так смотрит, как будто у него изо рта выскочила ящерица, и по глазам его вижу, что он рассчитывает, сколько в этих деньгах стаканов пива, билетов на представление «Фрелиха»^[26], обедов с пуддингом и проч. В Гамбурге все чрезвычайно дешево: сюртучная пара с жилетом, очень хорошая, 90 рублей, а за 120 – превосходная. А у нас в Петербурге!..

Наконец, в субботу 14-го ноября, а по-вашему 2-го, выезжаем в дилижансе в Берлин, где и ждем ваших писем.

⁶ «Вон» (нем.).

⁷ Биржевая зала (нем.).

⁸ Платдойчеров (от нем. platt Deutsche) – филистеров, пошлых немцев.

II

Берлин. 10-го января 1841 года.

С первым дыханием весны я буду в Италии. Я счастлив, друзья! В Берлине К<атков> хотел было засадить меня за книгу, да я вырвался и прямо побежал в погреб, где пьянствовал Гофман^[27]. Там, под картиною, изображающею Гофмана в ту минуту, как, устремив масляные глаза на Девриента, вынимает он часы и напоминает знаменитому пьянице-трагику о времени идти в театр на работу, а Девриент, как школьник, почесывает в голове и высоко поднимает прощальный бокал, – там уселся я и пил иоганнисберг. Тут я сам профессор, и такой же гениальный по своей части, как Вердер^[28], Гото^[29] и Ранке^[30]. Вообрази, что недавно один путешествующий чудака (еще из ученых!), выслушав несколько лекций в Берлине, сказал: «У меня пот выступил от умных вещей, которые я здесь слышал» (здесь очень много смеются над этим восклицанием). Ну, если у ученого выступил пот, то у меня, профана, должна уж выступить кровь; а потому, сберегая благородную кровь фамилии А<нненковых>, я предался площадям, погребам, картинным галереям, дворцам, музеям, театрам и т. п. Немецкий язык делается, сказать без скромности, очень ручным и начинает уж приходиться есть ко мне из собственных рук моих. Я почти так же знаю по-немецки, как Фарнгаген^[31] по-русски, потому что у Е<лагиных>^[32] видел я книжку «Отечественных записок»^[33], которая была в руках Фарнгагена, в которой читал он повесть Гребенки «Верное лекарство»^[34]: первые две страницы порядочно помараны черточками под словами, ему неизвестными. Всех отчаяннее черточки были те, что стояли под словами *мозоль, морщина, стеклянка* и т. п. И потому я советую Гребенке больше не употреблять этих слов.

Любо мне было видеть в Берлине студентскую серенаду. Студенты, восхищенные лекциями профессора, нанимают музыкантов, приходят под окна учителя и после увертюры поют песни в честь науки, университета и преподавателя. Такую серенаду давали при мне профессору археологии. Старик вышел на балкон, все скинули шапки; он благодарил за честь, примолвил, что вдохновение слушателей сообщается профессору и что, может быть, лучшие соображения преподавателя зависят от этого взаимного энтузиазма. Вообще, университет поглощает всю жизнь и все толки лучших голов Берлина^[35]; а для нашей братии, имеющей несчастье носить на плечах весьма посредственные, существует изрядненький балетец. Гропиус^[36] за безделицу построит вам целую кучу фантастических дворцов, а г-жа Тальони (сестра нашей по мужу)^[37] пляшет посреди водопадов, бамбуковых деревьев, солнечных лучей и лунного блеска. Танцы здесь состоят, по старой методе, в преодолении таких трудностей, что индийский фокусник разинул бы рот от удивления, – да еще в неистовом метании ног на воздухе. Но бог с ними! Скажу вам нечто лучшее, а именно нечто о великом актере Германии Зейдельмане^[38]. Я видел его в роли Полониуса^[39] и в роли Мефистофеля в Гётевом «Фаусте», который – сказать между прочим – от совершенно бесталанности актера, игравшего самого Фауста, от выпуска многих сцен, от совлечения лирического характера, от частых перемен декораций, сделался на сцене весьма похожим на плохую бульварную парижскую мелодраму. Но Мефистофель!.. О, мне ужасно хотелось бы дать вам понятие о Зейдельмане в этой роли. Кажется, у <Боткина> есть транспарант с изображением Мефистофеля, по рисунку Ретча^[40]: ну, это наружность Зейдельмана. Невозможно более отделиться от собственной личности; притом же, он еще создал какие-то особенные ухватки, свидетельствовавшие о его чертовском происхождении: так, он беспрестанно выправлялся, как будто испанская куртка помяла его крылья, ходил неровно и большими шагами, как будто копытцам его неловко в узких башмаках; страшная

улыбка, не сходявшая с лица с начала до конца пьесы, довершала различие его от окружающих его людей. Но это только наружная отделка роли; внутренняя еще совершеннее. Несмотря на видимую зависимость от Фауста, он господствовал Над ним всею силою своего духа, а когда снизошел он до волокитства за старую вдовую, ирония была поразительна. Высокий комизм этой сцены он умерял страшным вождением, с каким смотрел и приближался к Гретхен, сочетая таким образом глубокое трагическое впечатление с комическим. Из всего этого, вы еще ничего не поймете; но у меня Мефистофель, созданный Зейдельманом, стоит до сих пор за плечами. Говорят, что торжество его – «Нафан Мудрый» Лессинга^[41], но я не видал его в этой роли. Что же касается до Полониуса, который у нас на сцене дурачится, словно желая вознаградить публику за обязательный приход ее на такую скучную драму, как «Гамлет», – то здесь дело совсем другого рода. В буффонской сцене с королем он мастерски выказал иронию Шекспира на людей, которые мелким умишком своим хотят пояснить великие явления, а интриги и пошлости светские считают колоссальными происшествиями. Все сделалось мне ясным в этом человеке после Зейдельмана, и все неровности, на которые я прежде натыкался, пропали, как будто их никогда и не бывало.

Не буду описывать вам столь известные прямые и однообразные улицы Берлина, а также и новейшие его здания в игрушечном роде: род архитектуры, доведенной здесь до совершенства, как то видно в *Wewer-Kirche*, построенной на манер готической, и в музее Шинкеля^[42]...

III

Вена. Февраля 1841 года.

В Потсдаме и Сан-Суси я посетил прежнее жилье Фридриха Великого^[43] и нынешнее – в склепе гарнизонной церкви. Тут кистер^[44] показал мне место, где стоял Наполеон в задумчивости над гробом Великого. С Наполеоном встретился я еще в Лейпциге, когда, после двухнедельного Пребывания в Берлине, отправился туда в дилижансе: я говорю о поле битвы^[45], где я осмотрел три четвероугольных камня, один на том месте, Где Шварценберг начал атаку, другой, где Наполеон стоял с штабом своим, и третий на берегу Эльстера, где утонул Понятовский. Уж возможно ли, чтоб мой приятель К<атков> пропустил знаменитый погреб Ауэрбаха^[46], откуда Фауст, по народному преданию, выехал на площадь с помощью дьявола, верхом на бочке? Но у К<аткова> есть особенная манера осматривать погреба: он спрашивает, например, из которого угла двинулся Фауст, садится в этот угол, приказывает себе подать устриц и бутылку иоганнисберга, и когда то и другое придет к концу, ему действительно кажется возможным такое воздушное путешествие: даже кажется, будто оно уже и свершается: только вместо Фауста сидит на бочке он, добрый товарищ мой, и вот несется он мимо чудесной готической ратуши (так, по крайней мере, он сам рассказывал), и на балконе ее бургомистр объявляет народу о побиении – ганзеатических купцов в Новогороде^[47], а между тем часы начинают шуметь, смерть бьет в колокол, и все фигурные горельефы на стенах домов начинают под этот звук двигаться, рыцари шевелят мечами, дамы сбрасывают покрывала и проч. и проч. Товарищ мой всегда бывает этим доволен. Через два дня, по прекрасной железной дороге я отправился в Дрезден, через две недели в Прагу, а оттуда в Вену, где я нахожусь теперь, ожидая только первых ласточек, чтобы ехать в Венецию.

Что за счастливая земля Саксония! Что за богатство почвы! Что за роскошь видов! Я ездил в дурное время года, но застал еще Эльбу в полной красе, текущую между гор, усеянных деревьями, загородными домами, садами, колокольнями. Долина, в которой стоит Дрезден, показалась мне очаровательною, и как бранил я зиму, не позволявшую мне ехать в Саксонскую Швейцарию! Я видел ее, Рафаэлев «Мадонну», «Мадонну» Мурильо, «Ночь» Кореджио, «Спасителя с монетой» Тициана, и надолго останутся со мною эти чудные лики. Не могу описать тебе теплого чувства, исполнившего меня, когда по выезде из дрезденской долины (на пути в Прагу) поднялись мы на горы, и с обеих сторон открылись нам лощины, поросшие лесом, деревни, разбросанные промежду скал, и вдали верхушки Кёнигштейна в тумане. Ты знаешь, как редко видел я не только природу, но просто горизонт неба, и потому впечатление это было совершенно ново и как-то освежило меня. До сих пор я только понимал условно все, что может заключаться усадительного во взгляде на землю: теперь понимаю иначе.

Прага, первый католический город на пути моем, показался мне преддверием в Италию. Бесчисленные статуи святых стоят на мосту, на площадях, на перекрестках; каменные мадонны возвышаются решительно на каждом выступе, и даже простенки домов расписаны происшествиями из священной истории. Св. Непомук, покровитель Богемии, оберегает входы, выходы, дворы и службы. Бездна монастырей, и, наконец, первая церковь светлого готического стиля (св. Вита, или иначе Dom-Kirche), со столбами, каменными кружевами и проч., которая в неоконченных частях своих показывает, что в голове архитектора была она совершенно полным, правильным, гармоническим созданием. Тут также впервые ухо поражено славянским говором, и вообще Прага походит на Москву, как Москва могла быть до Петра. С высоты здешнего Кремля, именуемого Градчин, виден дом Валенштейна^[48], Вышгород, с остатками

замка кровожадного Либуши^{49}, и проч. Богемия играла некогда добрую роль в европейской истории^{50}.

Наконец, я в Вене; но здесь совсем другая жизнь^{51}. Ты можешь здесь, сколько душе твоей угодно, наслушаться вальсов и галопов Штрауса^{52} и Ланнера^{53}, приволкнуться за кем угодно, ибо женщины тутошние прежде всей Европы эмансипировались, закупить очень хороших вещей в магазинах, заказать прекрасную коляску, потанцевать на публичных балах, которых здесь бездна^{54}, наконец, даже прочесть русскую газету; но для всего этого у меня нет охоты. К счастью, нашел я здесь З<аики>на^{55}, с которым живу почти об стену, и мы вдвоем стараемся перенести тягость необычных здешних удовольствий, ожидая весны, чтоб ехать мне в Италию, ему во Франценсбад и в Берлин.

IV

Вена. Март 1841 года.

Прежде, чем буду описывать житие-бытие мое в Вене, скажу вам, что две усладительные недели провел я в Саксонии. Перл Германии – это Саксония! Массивный и мрачный Дрезден на берегу веселой Эльбы в зелени (еще была зелень при мне) гор, садов и загородных дач кажется старым каравансераем^[56] в роскошной долине: он таков и есть. Как только блеснет теплое солнышко на небе, все народонаселение его выходит из всех ворот города и рассыпается по горам, пешком, верхом на ослах и проч. Иностранцы и туземцы все живут около столицы, а не в ней. Туда приезжают переменять рубашки, сделать маленький хальт⁹ и опять, и опять под открытое небо. Зимой приобретает он какой-то особенно строгий вид, и этот оттенок уже лежал на нем, когда я прибыл; ВО Эльба все еще текла, горы все еще, хоть и тускло, а зеленели, и дилижансы в Пильниц и другие места ходили порядком-таки набитые. На зиму здесь все запираются, да вместе с собой запирают и музеумы, галереи и кабинеты. Чтоб повернуть на крюках железные двери их, надобно всякий раз приготовить два или три талера, а если сообразить, что целые дворцы Обращены в коллекции, так тайны расходной моей книжки будут вам Очень понятны. На искусство смотрят здесь строго и серьезно: это особенно заметно в театре, на который много действует пребывание в городе Аудвига Тика^[57], самого короля и пьесы принцессы Амалии^[58]. Последние разыгрываются превосходно, и от этого все их недостатки делаются очень ясны и ощутительны. Наиболее страдают они неимением верного основания, так что комические сцены, иногда хорошихонько придуманные, выходя из неестественного, а чаще ничтожного начала, кажутся неуместными. Конечно, Зейдельмана, о котором я уже писал вам, тут нет; но зато труппа как-то ровнее, чем в Берлине, и в исполнении пьес особенно Сличается общностью и литературностью: я не знаю, какое другое слово употребить, чтоб объяснить вам эту тщательную критическую обстановку пьес и старание выполнять знаменитые произведения с той точки зрения, с которой смотрели на них лучшие германские критики. Это познакомило меня с новым родом наслаждения, доселе мне незнакомого. Лучшие актеры – бывшая петербургская актриса Бауер^[59], Паули^[60] для высокого комизма и муж и жена Девриенты^[61].

И не воображайте, чтоб я вздумал описывать вам презнаменитую картинную галерею или так называемый Зеленый Свод с королевскими драгоценностями. Вы хорошо понимаете, как следует говорить о них. Разве только для одного <Боткина> упомяну о музее Менгса^[62]: это собрание всех знаменитых статуй, разбросанных по дворцам и виллам Италии, в бесподобнейших копиях. Тут Менелай, выносящий из битвы Патрокла; Лаокоон, сидящая Агриппина, Венера Медичейская, Венера родильница, Венера Каллипида, спящий гений и, еще лучше, спящий гермафродит. Когда я очутился в этом музее, теплая кровь прилилась у меня к голове и сердцу, закружилась первая, застучало ретивое. Что за красота! Что за роскошь! Что за наслаждение! Если называют человека царем вселенной, то, конечно, уж не того, который ходит в штанах и фуфайке, и не того, у которого сочинился горб от наклонного положения за письменным столом, а вот этого, у которого каждый мускул – прелесть, мощь и жизнь... Неосторожное соприкосновение с нагою красотой сделало меня почти сумасшедшим: целую неделю казались мне отвратительными рожи с бакенбардами, шляпы с отворотами и плащи с полинялыми, плисовыми воротниками... Повторяю, я провел в Дрездене две восхитительные недели.

⁹ Хальт (нем. *Halt*) – остановка.

На австрийской границе нас тщательно осмотрели, отыскивая всего более книг и табаку^[63]. Последний составляет монополию правительства. С нами ехал честный уроженец Гамбурга, который не позаботился засвидетельствовать своего паспорта у австрийского посланника. Его вынули из кареты и объявили, что он должен возвратиться восвояси. Немец побледнел и чуть-чуть не упал в обморок. Трепещущим голосом стал он уверять чиновников, что у него тесть в Вене болен, при смерти, да и родной его брат умирает, да и лучший его друг, с которым сидели они на одной скамье в школе, тоже не очень хорошо себя чувствует, да и сам он давно уже страдает завалами и едет совещаться с венскими докторами. Его пропустили до Праги, где он целые дни бегал по канцеляриям, выхлопывая позволение ехать далее, и, кажется, выхлопотал.

С самого Любека не встречал я города, более Праги наполненного легендами, преданиями и памятниками старины, потому что в северной Германии реакция Лютера была так сильна, что уничтожила все это^[64]. В церквах я ничего не находил, кроме портретов протестантских проповедников¹⁰ около алтарей, с строгими лицами и книжками в руках^[65]. Здесь что шаг, то легенда. Вот место на мосту, с которого низвержен был в реку св. Непомук, покровитель Богемии, обозначенное врезанным в камень крестом с Пятью звездами, и проходящие снимают шапки и благоговейно дотрагиваются до него. Вот окна дворца, откуда при начале Тридцатилетней войны выброшены были депутаты^[66]. Вот башня Делиборки^[67]; там, под горой дворец и сад Валенштейна, а вдали Вышгород, где жил Либуша; самая кафедральная церковь св. Вита, первая церковь на пути моем, светлого, легкого, прозрачного, так сказать, готизма, наполнена надгробными памятниками прежде бывших Богемских королей и другими остатками старины. Это объясняет, отчего чешское племя сделалось теперь представителем славянизма в Германии, и старание писателей и ученых Богемии о сохранении народности и языка^[68]. Я весьма сожалею, что не был у Ганки^[69]: всех русских принимает он как родственник, дает им Краледворскую рукопись^[70] и берет с них обещание выучиться по-чешски. До сих пор мало еще примеров, чтоб сдерживали слово. Кстати о славянизме. В Вене познакомился я с профессором Срезневским^[71]. Человек этот совершает подвиг европейский: от Балтийского моря и до Адриатического изучает он славянские племена, их наречия, обычаи, песни, предания, и большею частью пешком, по деревням и проселочным дорогам. Теперь он в Вене доучивается по-сербски и потом собирается обойти Иллирию, Далмацию и Черногорию. Особенную прелесть его составляет необычайная, германская любовь к своему предмету. Он решительно убежден, что славянскому племени предоставлено обновить Европу, и с восторгом показывал нам карты, говоря, каким образом соотчичи наши разлились от Померании до Венеции. За две станции до Венеции есть еще славяне, в Австрии их 18 миллионов. Турция почти вся состоит из них, и, по остроумным его доказательствам, даже вся полоса Европы от Рейна принадлежала некогда славянам. Он будет обладателем богатейших фактов, с помощью которых и объяснится, наконец, наша народная физиономия.

О библиотеках скажу вам, что здесь одна только библиотека в городе имеет право давать книги для чтения^[72]: все прочие ограничены продажей, которая, разумеется, не может быть велика. О многих творениях, известных всей Германии, и помину нет^[73]. Это очень легко объясняется совершенным равнодушием общества к литературе и литераторам. Говорят, надворный советник Грильпарцер^[74] много вредит службе своей страстью писать трагедии. На Анастасия Грюна (графа Ауерсперга)^[75] даже смотрят пугливым оком. Всякий, напечатав статьи в заграничной Немецкой газете без предварительной цензуры, платит 100 червонцев (1000

¹⁰ Провидников (от нем. predigen) – проповедников.

рублей), кроме других могущих быть оштрафований. Впрочем, все эти вещи и разные другие требования здесь должны откинуться в сторону, ибо в Вене живет совсем инаково, чем в остальной Германии. Чудно хорошо живет в Вене! В католических государствах Германии нет того, что называется *maisons de joie*¹¹; от этого образовались здесь два класса женщин: для одного из них (*pour les femmes galantes*¹²) во всех концах города даются публичные балы под всевозможными наименованиями; для них играют оркестры Страуса, Ланнера, Морелли^[76] и др.; для них отделяются великолепные мраморные залы; для них на всех перекрестках приклеиваются чудовищно гигантские афишки, «Извещением о рококо-бале в Сперле^[77], о сувенир-бале в Бирне^[78], о флора-бале в Элизиуме^[79]. Не буду описывать вам всех этих зал и балов, на которых даже можете быть в сюртуке, платя бездельную сумму за вход: довольно сказать, что вы очутитесь вдруг в центре интриги, волокитств, значительных взглядов, красноречивых улыбок, ревностей, притираний и проч. и проч. Свобода нравов в высшем избранном кругу тоже не Подлежит сомнению, и бедная Италия совершенно понапрасну несет упрек в безнравственности и необузданности страстей: любовные сплетни и происшествия составляют насущный интерес всех голов, цель существования многих, и если вы прибавите к этому великолепие аксессуаров, утонченные формы обращения, пышность магазинов, экипажей, костюмов, движение, которое сообщается от необходимости искательства, то поймете, что все это может иметь жизнь и прелесть. Репутация Вены, как музыкального города, вся лежит на плечах Ланнера и Страуса и на бесчисленных их вальсах и галопадах. Опера же плоха; знаменитые музыкальные произведения даются раз в год обществом любителей музыки. В комедии отличается Ларош^[80] и прелестная Нейман^[81], и при новых пьесах Бург-театр^[82] посещается отборным обществом: это поселяет какое-то особенное соревнование в актерах, так что группа действительно может назваться хорошою, хоть недостаток понятий об искусстве замечен и тут в ломании и коверкании образцовых драматических произведений. Но не Бург или не императорско-королевский театр составляют физиономию Вены, а ее три народных театра^[83], где на народном наречии даются фарсы, местные пьесы, волшебные представления, где царствует каламбур нечесанный и где гомерический хохот гремит постоянно с 7 часов вечера до 10 включительно. Герой этих театров есть актер и писатель Нестрой^[84]. Пьеса его «*Zu ebener Erde*»¹³ известна в Петербурге. Мало-мало даже самый низкий класс народа причастен этому вихрю удовольствий: в кабаках даются *Abendunterhaltungen*¹⁴; тут на столе, по концам коего стоят сальные свечи, Пизарро машет руками, бьет себя в грудь, а индианка в соломенной шляпке с красным пером вынимает красный платок и всплакивает. Публика из извозчиков и носильщиков хлопает в ладоши и по окончании пьесы бросает гроши в жестяную тарелку Пизарро. Такова Вена...

¹¹ Дома веселья (*франц.*).

¹² Для женщин легкого поведения (*франц.*).

¹³ «На первом этаже» (*нем.*).

¹⁴ Вечерние представления (*нем.*).

V

Рим. 28-го апреля 1841 года.

Вот я и в Риме; а как сюда попал, сейчас увидите. 9-го марта выехал я из Вены по дороге в Триест, и на другой день были мы уже в Альпах. Этот отпрыск знаменитых швейцарских Альпов имеет счастье заключать в себе несколько бедных славянских племен, которые вот уже несколько веков решительно больше ничего не делают, как живут, да впрочем, судя по всеобщей бедности и по количеству нищих на дороге, для них, кажется, и это не безделица. Мы проехали Стирию^[85], Иллирию^[86], оставив направо Коринтию^[87], а налево Венгрию, с другими славянскими провинциями. Тут впервые увидел я босую женскую ногу и сказал: «Ну, вот мы и дома! Этой вещи не случилось мне видеть с самого Муром...» Также любовался я влиянием, которое имеет на физиономию этого племени Германия – с одной стороны, Италия – с другой. В первой половине вы увидите славянина, флегматически запустившего руки в карманы штанов и представляющего такую антиславянскую фигуру, что, конечно, она должна привести в отчаяние всех наших профессоров-славянофилов^[88]. Слыханно ли, чтоб славянин запускать руки в собственные свои карманы?.. Во второй половине, ближайшей к Триесту и Италии, вы уже встретите куртку, живописно брошенную на одно плечо, ленты на шляпе и в петлицах и сильный жест. Так как вскоре показался и классический очаг, то мне хотелось испытать, истину ли повествуют историки о том, что чужестранец, севший у очага, имеет право на все в доме. Я выбрал для пробы краинку, чрезвычайно красиво одетую: юбка ее сходилась в бесчисленных складках назад, верхнее платье состояло из куртки, распахнутой спереди и вполне открывавшей грудь. Белый платок на голове и белый передник довершали костюм. Вот я и сел у очага. Ничего не вышло! Врут историки.

Что касается до гор, то суровая красота их надолго останется у меня в памяти; потом я переезжал Аппенины, но это сад, как увидите после, где волканические скалы служат только рамой плодоносным долинам, усеянным виноградниками, фруктовыми деревьями и орошаемым ручьями и речками, которые текут с этих гор в Адриатику и в Средиземное море в бесчисленном количестве. Здесь совсем не то: строго и мрачно смотрят на вас горы; иногда подходят так близко, что, кажется, сдавят вас; иногда образуют вокруг вас колоссальный амфитеатр, и несколько раз говорил я: «Да как же мы выедем отсюда?» И всегда случалось, что у самого предела вдруг открывается дорога по скату горы, выводит в новую смычку их и открывает новые сцепления скал: это наслаждительно! Разрушенные замки стоят на страшных высотах везде, где только есть крутой поворот дороги, ущелье, выезд на долину: они походят на заставы, и действительно, замки были таможни средних веков, где собиралась пошлина. Жаль только, что количество ее не было определено и что всякий, получивший удар мечом плашмя, мог иметь свою таможню. Случалось так, что башня, зубчатая стена и донжон¹⁵ с пустыми окнами поутру стоят прямо против тебя, в полдень косо поглядывают на тебя сбоку, а вечером долго, долго преследуют во всю длину дороги... Даже и страшно делается, и думаешь: да чего же хотят они от меня, господи боже?.. Несчастно то племя, которое несколько веков жило под таким надзором!

Умные люди говорят, что природа состоит из звуков; умные люди говорят правду: это особенно заметно в горах. Ночью, когда остановишься, непременно слышишь: где-нибудь катится водопад, где-нибудь шумит источник, или воет ветер, или что-нибудь да делается. Меня приводило в отчаяние одно обстоятельство: мы были за четверть мили от Триеста, но ни Триеста, ни моря, которое тут значится по моей дорожной карте, и признаков не было. Все

¹⁵ Донжон (франц. donjon) – башня.

горы и горы, и вдруг мы круто поворотили в сторону: город, голубая Адриатика, противоположный берег Истрии и Далмации лежали под ногами нашими. Это было так неожиданно, что произвело на меня даже болезненное впечатление. Англичанин, ехавший со мною, захлопал в ладоши. Здесь часто случается, что самое сильное чувство приходит внезапно, не возмущенное ни «путеводителями», ни путешественниками. Зигзагами стали мы спускаться с гор, и тут каждая точка в пространстве, можно сказать, изменяла ландшафт, выказывая его со всех возможных сторон, при всех возможных освещениях, почти так, как делает художник с моделью; а по мере того, как подвигались мы ближе «Триесту, свежий воздух гор наполнился теплотою. Въехав в город, мы были уже в середине полной, совершенной весны: чудо! Нынешний год не весна пришла ко мне, а я нагнал весну. В эту минуту, как пишу к вам, весна, уже осталась за мною: я перескочил через несколько страниц календаря; понятно, что и поэтическое в путешествиях составляет именно это фантазмагорическое изменение костюмов, нравов, языков и даже климатов перед глазами вашими... Впрочем, полно с описанием природы...

В Триесте я остановился в том трактире, где был зарезан Винкельман^[89]. У меня есть маленькие, практические истины для домашнего обихода, в числе которых не последнее место занимают следующие: смело останавливайся в том трактире, где был зарезан человек; нанимай всегда того извозчика, который уже раз опрокинул седоков; из двух дорог всегда выбирай ту, где случилось несчастье; это самая безопасная, и проч. В трактире показывают софу, с которой уже более не встал великий антикварий, и комнату, где была постель слуги, весьма колесованного. Говорят, что причиною злодеяния была столько же корысть, сколько и личное мщение за дурное обращение и угрозы. Памятник Винкельмана, в сооружении которого приняли участие почти все государи Италии, стоит на кладбище в старом городе, на горе, рядом с кафедральной церковью, обращенною из языческого храма, и где сохраняются еще четыре древние колонны в стене башни и старый жертвенный камень за главным алтарем. Кроме этого да римских цифр на шапках австрийских солдат, ничего примечательного из древностей не видал я. Гораздо лучше грязного, старого города новый, чистый, расположившийся у самого берега. Он объясняет вам лучше всякого трактата, каким образом в древнем мире цивилизация, торговля и художества переходили из города в город, из государства в государство, из одной части света в другую. Вот стоит он на десять часов езды по морю от Венеции, имеет, как портофранко^[90], одинаковые права с нею, а между тем вся торговля Адриатического моря у него в руках, и покуда старые дворцы Венеции падают и разрушаются, здесь каждый год воздвигаются новые. Есть какое-то особенное удовольствие видеть в таком близком расстоянии друг от друга жизнь потухающую и жизнь зарождающуюся! Жаль только, что по чисто практическим элементам своим, по характеру нации, которой принадлежит, никогда не будет иметь Триест той теплоты красок, того яркого колорита и поэтического блеска, какие Венеция сохраняет даже до сих пор.

В Венецию прибыл я на пароходе 14-го марта нового стиля и встал ранехонько, во-первых, для того, чтобы не пропустить восхождения солнца на море, а во-вторых, чтоб посмотреть, как станет выплывать из воды этот чудный город; но солнце на этот раз всходило так туманно и обыкновенно, что я предпочитаю этому восхождению таковое же в балете «Сильфида»^[91]. Впрочем, оно и естественно: там больше издержек. Город, выказался удивительно. Сперва проехали мы остров Лидо, где Байрон держал верховых лошадей и гулял по берегу моря; с одного холма этого острова направо видна необозримая пелена Адриатики, налево Венеция, плавающая на поверхности воды, как мраморная лодка, по выражению Пушкина. Потом мы вступили в канал св. Марка, а через несколько мигнут, оставив вправо Сан-Жоржио с церковью постройки Палладио, пароход наш остановился при входе в Большой канал, эту удивительную улицу Венеции, где мраморные лестницы готических, мавританских и времен Возрождения дворцов вечно обмываются волнами моря, мутными и зелеными. В канавах, как будто с досады, что отвели их от родимого, широкого ложа. С борта парохода направо красо-

вались перед нами площадь св. Марка, ее собор в византийско-арабском вкусе, знаменитая колокольня, дворец дождей с двойною колоннадой, темница, мост Вздохов и на первом плане две гранитные колонны, вывезенные из Архипелага; адриатический лев блистал на одной, статуя св. Феодора, попирающего крокодила, – на другой. Гондолеры окружили нас со всех сторон, с черными своими лодочками, которые летают по воде так легко, как птицы. Я порывался на берег; но австрийские чиновники осматривали наши паспорта; наконец, все формальности кончились, гондолы примчали нас к великолепной пристани Пиаветты, и вот я очутился на площади св. Марка, которой, по признанию всех туристов, нет подобной в Европе.

Вообразите несколько продолговатый четвероугольник, вымощенный плитами, окруженный с трех сторон великолепнейшею галереей (тут кофейни, лавки, магазины, в верхних этажах жили прежде прокураторы^[92] св. Марка или чиновники республики), а с четвертой замыкающийся собором св. Марка. Его огромные, тяжелые куполы, его византийские арки, украшенные мозаиками, его порфиновые, яшмовые и разноцветных мраморов колонны, четыре коня, вывезенные из Ипподрома константинопольского и блистающие над фасадом, его мавританская терраса и готические спицы и украшения, – все это составляет такое роскошное смешение всех вкусов, что, право, походит на волшебную сказку. Художники считают эту церковь одним из чудес Европы; колокольня стоит на площади и несколько в стороне, и площадь таким образом, особенно при ярком освещении кофейен, магазинов и лотков с апельсинами и фруктами, кажется вам огромною, гигантскою залой, которой потолком служит небо. Вторая площадь, известная под уменьшительным именем Пиаветты, примыкает к первой и состоит из продолжения той же великолепной галереи, поворачивающей к морю, из Дворца дождей, двух колонн, упомянутых мною, перед ним и темницами за ним. Темницы и дворец соединяются крытым мостом, как наш Эрмитаж, и этот мост называется Ponte dei Sospiri (Мост вздохов). Сюда, на эти две площади, следует присылать всех тех, которые страдают отсутствием энергии, жизненным застоєм, так сказать. Когда итальянское солнце ударит на все эти фантастические постройки, боже мой, сколько тут огня, блеска, красок! Почти нестерпимо для северного глаза, и в этом отношении один только Рим может сравниться с Венецией; но в Риме это нежнее, и притом же, чтобы вполне понять игру света и тени в великолепных его руинах, надо иметь, что называется, художническую душу. Здесь это падает на вас почти с силою какого-нибудь физического явления – грома, дождя и проч. Их нельзя не чувствовать. Прибавьте ко всему этому, что вечный праздник кипит на этих площадях. Шум и движение в северных городах не могут дать ни малейшего понятия о крике, говоре, песне итальянца. Не правда ли: там производит их какой-нибудь посторонний, чисто материальный двигатель, а если и бывает минута душевного веселья, так это вещь наносная, скоропреходящая. Здесь для этого только живут; веселье постоянно, так постоянно, что всех обратило в нищету. Кто-то сказал, что в Венеции работают одни только присужденные к галерам: это правда. В моральном отношении это дурно: но зато какая чудесная выходит площадь, как полна жизни, как музыкальна! Грешу я, может быть, но мне всегда приятнее смотреть на человека, который веселится, чем на человека, который работает. Таково первое впечатление от Венеции, несколько, как изволите видеть, многословное.

Присматриваясь ближе, душа ваша начинает настраиваться на байроновский лад плача и рыдания: вы увидите, что окна великолепных дворцов Большого канала забиты досками, величественные постройки Палладио^[93], Лонгена^[94], Сансовино^[95], принадлежавшие этим купцам-царям, обращены в почты, трибуналы, полицию; на готических балконах, на мраморных каминах висит черное белье нищеты, не имеющей другого пристанища, кроме опустелых палат. Притом же, немецкий элемент, выгнав многое характерное, не мог привить здесь ничего своего, кроме разве некоторой регулярности в правительственных мерах, собственно от него одного зависевшей. Октавы Тасса^[96], например баркаролы-пуг! Они остались в романах, операх да воспоминаниях. Изредка богатые англичане еще отыскивают за деньги увядшие цветки

эти; но песня за деньги принадлежит статистике, как промышленность, а не поэзия, куда отнесена она, помнится, и г-м Рижским^[97]. Да вот еще что: идти назад – в Европе значит остановиться; здесь же это значит возвратиться, бог знает, к какому веку. Чудеса поминутно! В Ферраре, в церкви св. Стефана, надписи обещают 200 и 600 лет индульгенции^[98] в чистилище за три патерностера¹⁶ в известном месте храма, и проч. Одна старуха набрала таким образом 8700 лет прощения; говорят, что отчаяние ее при смерти от того, что не успела достигнуть круглого числа десяти тысяч, было очень трогательно.

Здесь на площадях и в часовнях выставляются картинки, где странным образом участвуют лица, уважаемые церковью, и особенно Мадонна: то является она служанкой у изголовавшейся больной, призвавшей ее на помощь, то поддерживает телегу, опрокинувшуюся на возницу, и проч. Когда я посещал церкви, где бронза конных статуй над гробами почивших дождей (как, например, в церквях Жиовани и Паоло, dei Frari) или одна часть драгоценнейших камней (как, например, в церкви dei Scalzi, построенной знаменитейшими фамилиями Венеции) могли бы обогатить обнищавших потомков их, странствующих теперь по разным государствам Европы, – когда, говорю, я посещал эти церкви, мне думалось: «Верно есть что-нибудь для отвращения глаз венецианцев от всегдашнего созерцания их упадка», и узнал, что для этого есть театр «Фениче»^[99]. Театр В Италии решительно есть политическая мера, как газета в остальной Европе. С девяти часов вечера великолепная зала его наполняется народом: тут поет удивительный Ронкони^[100], и тут же позволяется итальянцам проявить свое индивидуальное значение, а также вылить и накопление желчи, вредной для здоровья, в свистках, шуме, шиканьи при малейшей оплошности певца, хотя два солдата с ружьями и стоят по обеим сторонам оркестра^[101]. К несчастью, при мне жертвой дурного расположения духа потомков лепантских победителей^[102] сделался наш Иванов^[103]. Давали новую, весьма плохую оперу туземного композитора. Ронкони, привыкший вывозить на плечах нищенские произведения новых итальянских композиторов, блистал на первом плане, развертывая перед публикой, взамен пустоты сочинения, всю силу и гибкость своего голоса (баса). Иванов, с небольшим, слабеньким голоском, был им совершенно уничтожен, закрыт. Бедный хотел подняться, стал форсировать, что называется, взял несколько фальшивых нот и был покрыт шиканьем и свистом. Сложив руки на груди и опустив голову, он принял эту бурю с таким выражением грусти и покорности, что мне сделалось больно на душе... Вообще шиканье и свистки в театре мне не нравятся: они делают из актера какого-то поденщика сотни пустых голов, собравшихся в партере, и совлекают с него совершенно достоинство артиста.

Не безызвестно вам, что на свете есть венецианская школа живописи^[104], отличающаяся теплотою колорита, светлостью создания и драматическим элементом в картинах. Все церкви Венеции наполнены ее произведениями, которые много терпят там от сырости. Во Дворце дождей она изобразила всех этих стариков в мантиях и шапках остроконечных, которые то стоят на коленях перед изображением Мадонн, благословляющих их, то коронуются прекрасною женщиной, называемою Венецией, то принимают посланников, то сражаются, – так что весь этот дворец, покрытый сверху донизу картинами, есть не что иное, как длинный и несколько утомительный панегирик бывшим властителям. Из этого следует исключить только Удивительную «Венеру» Тициана, «Похищение Европы» Паоло Веронезе и «Рай» Тинторетта; но дворец имеет совершенно другое значение... Великолепную лестницей, которая называется Лестницей гигантов и на площадке которой короновались дожи, вступаешь в верхнюю галерею и на Противоположной стене видишь два отверстия: тут были львиные пасти, куда клались доносы. Их было множество во всех концах города. До сих пор сохранилась одна в полной красе своей на стене церкви св. Маркина с надписью: «Для тайных доносов

¹⁶ Патерностер (лат. Pater nos ter) – Отче наш, молитва.

против неуважающих церкви и бласфематоров¹⁷». Другую лестницей, именуемой Золотою, входишь в залу пятисот. Наверху ряд портретов дожей и черная пустота там, где следовало быть портрету Марино Фальери, с надписью: «Вместо Марино Фальери, казненного за преступления^[105]» (pro criminibus). Рядом зала избрания дожа, с готическим балконом, на который выходил новоизбранный, и человек, поднявшийся на самый спиц колокольни св. Марка, стремительно спускался к нему по веревке, вручал букет цветов и исчезал таким же образом. Когда аристократия почувствовала необходимость сжаться для сохранения влияния своего, она ограничила совет 200. Вот мы проходим залу этого совета с тронem герцога, и другую залу, где принимались посланники. Через коридор или комнату, известную под названием Четырех дверей, вступаете вы в самое страшное отделение дворца: полукруглая комната, в которую входите через одну из дверей, есть Совет десяти, этот ужасный Совет десяти, разивший невидимо, как судьба, знавший, как Орлеанская дева, тайны чужой молитвы и настигавший преступника, как божий гром, везде и всюду. Небольшую комнатой, где каждое утро отворялся маленький шкапик и вынимались доносы, положенные с наружной стороны, переходите к венцу правительственных форм этой грозной республики. Когда уже и Совет десяти казался слабым и недостаточным, когда признали за нужное еще более централизовать тиранию, образовался Совет четырех, заседавший рядом с пыточной комнатой. Не стану описывать все ужасы, которые рассказывают здесь про эту комнату... Пятью или шестью ступеньками поднимаешься в залу инквизиторов, и дверь, которую видишь налево от себя, отворяется на лестницу, а эта лестница ведет под крышу, в свинцовые темницы!

Таким образом, обойдя дворец, вы получили первые черты истории Венеции. Свинцовые темницы, где заключенные всего более должны были страдать от нестерпимого жара, скопившегося в этом чердаке, разделенном на множество клеток, еще ничего не значат в сравнении с так называемыми венецианскими колодцами. Строение, собственно определенное на них, обращено в темницы уголовных преступников и закрыто от любопытства путешественников. Мост вздохов, ведущий к нему из дворца, заколочен, и только осталось предание в народе, что он был разделен глухою стеною надвое для того, чтоб преступники уводимые не могли встречаться с приводимыми. Итак, вы должны довольствоваться только теми колодцами, которые находились в подземельях самого дворца. Хороши и эти! Представьте себе собрание каменных склепов, где, своды, кажется, лежат на самой груди вашей, где самый отчаянный плач человека не мог пройти сквозь толщу окон и двойные железные двери даже за порог их и должен был возвратиться опять к тому, от которого вышел. Верхнее отделение определено было для легких преступников и для преступников, подлежавших суду Десяти. Осужденные инквизицией погребались во втором отделении и уже не выходили оттуда. Тут стояло и роковое кресло, прекращавшее страдания истерзанного пытками преступника одним поворотом колеса, к которому привязан был конец веревки, между тем как другой лежал на шее человека. Огонь в темницы эти вносили только на час, когда давали заключенным хлеб, и с помощью этого радостного и мимолетного гостя несчастные еще чертили гвоздями свои мысли и ощущения на сводах каменных гробов своих. Один выскоблил изображение церкви и надписал: «Santa Maria, ora pro nobis!»^[106] Другой начертил четверостишие, которое при свете факела, при чувствуемой во всех членах сырости от стен и пола, показалось мне драматичнее всего, что я слышал. Вот оно в прозаическом подстрочном переводе: «Не доверяй никому, молчи и думай, если хочешь избежать коварных, подстерегающих тебя шпионов! Раскаianie, раскаianie!.. Ничто не поможет! Но вот случай тебе доказать истинное свое мужество!..» Когда вышел я на белый свет, вздохнул свободнее и совершенно помирился с нынешним упадком Венеции. Необходимость и разумность его мне сделались понятны, и я решительно вылечился рт охов

¹⁷ Бласфематоров (от *франц.* blasphémateur) – богохульников.

и вздохов, которыми все путешественники, по следам Байрона, оканчивают толки о чудном городе.

Первую станцию от Венеции сделали мы промежду лагун, в огромной гондоле, и вышли на твердую землю в Фузино. Здесь началась Brenta, светлая Brenta, берега которой усеяны дворцами, загородными домами бывших вельмож венецианских, садами и деревьями вплоть до самой Падуи, города, которым венецианцы управляли посредством подесты^[107]. На другой день переехали мы Адиге. День был праздничный, все было разодето, и до Феррары ехали мы как владетельные князья, которым приготовлена встреча, промежду высоких лиц, колокольного звона и пестрых костюмов. Женщины сохранили здесь что-то античное в наряде: волосы, завитые спереди, и вуаль, покрывающий голову и спускающийся красиво вниз, как у новобрачных наших. Мужчины были в чулках и башмаках с пряжками и распашных куртках, выказывавших и грудь, и шею, легко и живописно перевязанную пестрым платочком.

За полмили от Феррары переехали мы По, реку, известную красотой берегов своих, разлитиями своими и шарадами князя Шаликова^[108]. Представьте себе, во все время переезда у меня только и было в голове: мое первое – река в Италии... На противоположном берегу начались уже Церковные владения, и только что ступили мы на землю, как два папские драгуна верхами стали по обеим сторонам кареты, другой военный таможенный чиновник сел в самую карету. С этим почетным кортежем прибыли мы в Феррару. Первое дело было кинуться ко дворцу, где жила Прекрасная Леонора д'Эсте^[109]. Господи! Глазам моим представился самый суровый, самый строгий замок, в котором когда-либо обитала красота: четыре тяжелые, трехэтажные башни по углам, подъемные мосты, ров, огромные стены, с платформы которых подымались собственно жилища с неправильными своими окнами и балконами. Угол, где жила герцогская фамилия, занят теперь кардиналом-легатом»; из тех окон, откуда смотрела Леонора и придворные дамы ее, выглядывала строго и подозрительно монашествующая свита кардинала. Я стоял долго перед этим замком и думал: Тасс должен был перейти эти подъемные мосты, миновать вооруженную стражу и очутиться в крепости, наполненной придворными и слугами; разумеется, ему было тесно. Больница св. Анны находится в нескольких шагах от замка по большой улице и ничего не сохранила от прежнего вида, кроме темницы Тасса, запятой теперь в темном углу коридора. Прямо перед нею находился садик, и тотчас из него была дверь в темницу, изрезанная, испиленная, исковерканная, чуть-чуть не искусанная путешественниками, особенно англичанами. Байрон собственною своею аристократическою рукой вырезал гвоздем на соседственной стене пять букв своей фамилии. Этой дверью входите вы в сырой погреб; чичероне показывает вам на противоположной стене замурованное окно, у которого узник проводил целые дни, смотря на замок, один кирпич старого помоста, место, где была кровать, и говорит: «Вот темница Тасса!» Что всего более удивляет меня, так это отсутствие природы между Леонорой и Тассом: тут нет, да и не могло быть ни дерева, ни ручья, ни уединения, ничего такого, что так необходимо для любви и к чему мы так привыкли в изображениях несчастной любви Торквато драматиками^[110]. Вся жизнь тогдашнего времени текла в городах, стенах, промежду камней и полная шума, происшествий, интриг, любви, ревности и даже поэзии: в этом водовороте Тасс и погиб. Мы, северные люди, не можем себе вообразить влюбленного поэта без голубого неба над ним, цветов и солнца, а любовь в тогдашней Италии, напротив, связана была с потаенной дверью, решетчатым окном, – спальнею любимой особы, с домом, одним словом, и несла вместе с собою или высочайшее наслаждение, или смерть, а по малой мере – заключение на семь лет и два месяца, как это случилось с Тассом. Даже до сих пор сохранилось в Италии отвращение от загородной, сельской жизни. В Риме произвело оно пословицу: «lontano da cita, lontano da sanita» (далеко от города, далеко от здоровья), и странное явление для северного жителя – с наступлением весны многие переезжают из вилл своих в город.

В Ферраре есть еще строение, принадлежащее истории поэзии: это полуготический дом Ариосто. Он стоит почти в конце города: широкою лестницей подымаетесь вы в спальню и вместе кабинет поэта. Это просторная и совершенно пустая комната, потому что все вещи его, чернильница, кресло, стол перенесены в университет. Из окон вид в поле, и хотя множество построек обогнало уединенный дом творца «Орlando»^[111], но все еще видны виноградники, пепельного цвета оливы, вишня, ореховое дерево и чистое, прозрачное небо. Этот человек устроился с жизнью лучше пылкого, несчастного Торквато^[112].

На другой день рано утром приехали мы в Болонью, ныне пустую, мрачную и угрюмую, чему много способствовала последняя неудачная ее революция^[113], но некогда блестящую и оживлявшуюся 12000 студентов из всех наций. Первый мой визит, разумеется, был в старый университет ее^[114], который ныне реставрируют. Чудная вещь этот университет! Представьте себе потолки и стены лестницы, внутренней галереи, комнат и коллегий, покрытые рисованными гербами лиц, получивших докторскую степень. Места нет, где бы не было львов, дворянских корон, рыцарских шлемов, развевающихся перьев, мечей, звезд и всей геральдической путаницы. Сколько тут гербов, покрытых кардинальскими шапками, герцогскими коронами! Есть даже такие, которые осеняются папскими тиарами и королевскими венцами и лучше всякого описания свидетельствуют о благосостоянии университета, считавшего в числе учеников своих первых людей века. Пестро, весело выглядывают опустелые стены под этою геральдическою сетью, где гербы прославившихся профессоров составляют солнца, около которых вьются, как звезды, гербы их знаменитых и часто могущественных слушателей.

При выходе из университета вожатый мой дернул меня за полу и прошептал: «смотрите, смотрите: вон идет Россини!» Прямо на меня шел небольшого роста человек, бледнолицый, с маленькими, быстрыми и веселыми глазами и улыбкой. Магазины, торговцы и все встречные снимали перед ним шапки. Он шел, как принц, едва успевая отвечать на поклоны и награждая кого ласковым взглядом взамен приветствия, кого улыбкой, кого простым движением руки... Я был увлечен этим триумфом знаменитого маэстро и также снял шляпу: он посмотрел на меня пристально, прикоснулся к полям шляпы и прошел далее, оборачиваясь на все стороны и часто подавая голову вперед, что было каким-то грациозным сокращением поклона. Я долго смотрел ему вслед до тех пор, пока не скрылся он за углом. Россини развелся с женой, живет с какой-то француженкой и, упоенный славой, лестью, всеми благами земли, впал в летаргическое состояние^[115] и, как говорят итальянцы, решительно ничего не делает, кроме любви.

Болонья, как и Венеция, имела свою школу живописи^[116], которая, являсь после всех, получила в наследство опытность, но потеряла религиозное вдохновение, младенческую простоту и святость, так сказать, живописи, к чему одна партия художников, под предводительством Овербека, старается возвратиться; приверженцы ее носят название «пуристов» от противной партии. В Болонской академии любовались мы произведениями Караччи, Доминикино^[117] и «Избиением младенцев» Гвидо-Рени^[118], этого щеголя, который говорил, что он имеет сотню манеров заставить женщину смотреть на небо в картине. Это слово всего лучше поясняет самую школу. Тут же стоит удивительная «Сесилия» Рафаэля, которая от всех этих умных произведений отделяется, как вдохновение от работы. Удивительное чудо! Св. Сесилия, заслушавшись хора ангелов, выпускает из рук трубки органа. Кругом ее Павел апостол^[119], Иоанн евангелист^[120], Августин^[121] и Мария-Магдалина^[122]. Выражение божественного восторга на поднятой голове ее, конечно, вещь, потерянная для художников нашего века.

Поглазев на две косые башни да осмотрев Campo Santo, или кладбище, где в великолепных галереях и залах размещаются покойники и памятники их грациозно и симметрически, так что со временем это будет второе мраморное народонаселение Болоньи, весьма полез-

ное для истории искусства, – выехал я в Анкону, имея четырех испанских капуцинов^[123] товарищами: они отправляются в Сирию для пропаганды и королем своим считают дона Карлоса^[124], Кабрера^[125] – великий человек у них, погибший от Измены, Эспартеро^[126] – пустой честолюбец, без способностей и ума. Королева (которую, между прочим, я видел в Венеции) наказана провидением справедливо за посягательство на монастыри и революционные мысли свои^[127]. ... Они пояснили мне много состояние Испании. Таким образом, беседа с почтенными братьями, ехали мы в Анкону, имея с одной стороны Адриатическое море, с другой Аппенинские горы, а пространство между ними – занятое садами, зеленеющим хлебом, виноградниками и фруктовыми деревьями. Некоторую противоположность с прекрасною природой составили выбритые маковки капуцинов, босые, грязные ноги их, капюшоны, перевязанные веревками, и нестерпимый запах пота, свободно выходивший из пор и открытой шеи, когда сбрасывали они колпаки назад.

В Анконе, полюбовавшись на мраморную арку Траяна, поставленную на берегу гавани, им устроенной, и высоко рисующуюся на небе и вечно омываемую волнами моря, да осмотрев крепость, недавно очищенную французами, я взял ветурина – частную карету. 200 итальянских миль до Рима (итальянская миля немного побольше русской версты) сделали мы в неделю: эта неделя – одна из самых насладительных в моей жизни. Первый предмет на пути моем, подвергшийся осмотру, была Лореттская церковь богородицы. Вы знаете, под великолепным куполом ее стоит святой дом, где жила в Назарете Мария. Этот каменный четвероугольник окружен снаружи другим, каррарского мрамора, на котором горельефы и статуи сивилл и пророков, чудеса искусства времен Возрождения. С наружной стороны окна, где случилось благовещение, алтарь; внутри дома, на месте, где была главная дверь жилища, алтарь со статуей Мадонны из кедра, резьбы св. Луки, засыпанною драгоценными камнями. Великолепные серебряные лампы кругом карниза едва прогоняют мрак этого святилища, в котором вы видите мужчин и женщин, распростертых на полу, и слышите тихий плач и заглушаемое рыдание... Коленки приходящих к Мадонне за помощью и утишением вытерли мрамор наружной ступеньки и превратили ее в желобок. Благочестивое предание говорит, что дом Марии был все время переворотов в Сирии покрыт облаком от нечестивых глаз; потом ангелы перенесли его в Далмацию. Три года стоял он в Далмации, не производя большого влияния на христианский мир; тогда ангелы перенесли его в Лоретте Иезуиты основали тут монастырь, и богатство всей католической Европы потекло к нему. Французы ограбили церковь и монастырь в 1798 году; теперь, однакож, снова сокровищницы их полнеют, и богатеет сам город, производящий торговлю одними четками, серебряными сердечками, коронками из цветов и другими вещами для приношений знаменитой Лореттской Мадонне.

Но что за природа – удивительно! Надо вам сказать: здесь редко встретишь деревню, которая столпилась бы в одном месте, оставляя поля, ей принадлежащие, расстилаться зелеными степями на необозримом пространстве. Здесь белые домики поселян стоят посреди виноградников, отделенные друг от друга садами плодоносных деревьев, и целая огромная долина являет признак жизни во всех концах своих. Бордюром восхитительной картины, которая представляется сверху, служат горы, а иногда старый римский водопровод, тянущийся на бесчисленных и колоссальных арках своих, как гигантский змей через всю поляну. В Серравале поднялись мы на Аппенины, и когда достигли самой высокой точки их, остальная цепь гор распахнулась перед нами, как будто на время раздвоилось море, и мы увидели дно его. Тут спустились мы в цветущую долину Фолиньо, откуда понесло на нас благоуханием; речка Клипун извивалась, то светясь, то пропадая за зеленью садов, а маленький, необычайно грациозный храмик Дианы (ныне церковь) стоял как жилище божества-хранительницы этого счастливого места... В Терни видел я природу во всем строгом ее величии. Римляне отвели каналом реку Веллино от настоящего течения ее: река бежала до края вулканической скалы, обрывавшейся

пропастью; тут всею массою воды упала она вниз, своротила вековые камни, образовала еще несколько водопадов, подняла облака влажной пыли, зашумела и загремела на всю окрестность и так осталась донныне. Это называется каскадом Терни. Чудо!.. Наконец, у Отрилби, до которого доходили предместья древнего Рима, показался Тибр, три раза извившийся прежде дальнейшего, правильного своего течения. Мы переехали его сперва у Боргето по мосту, построенному Августом, а в другой раз уже под самым «Римом через Понте-Молле. Тут вступили мы в Рим, имея с одной стороны Ватикан и купол Петра, а с другой – гору Пинчио, место погребения Нерона. Спустя минут пять проехали мы ворота del Popolo и были в сердце нового Рима, на Corso, улице, которая ведет к Капитолию, римскому Форуму и Палатинской горе, а оттуда уже видны арка Тита и Колизей!

Вот я уже здесь две недели; отыскал Гоголя, который и указывает мне точки для наблюдения^[128] в этом море, где век римлян и век Микеланджело и Рафаэля соединились, чтоб сделать его неисчерпаемым. Некоторые говорят, что Рим отживает теперь третий век – английский. В самом деле, англичан такое множество, и все с книжками. Даже дамы, с описаниями и маленькими картами в руках, с очками на носу и придерживая одною рукой платье сзади, лазают на куполы, колонны и gazeют на ганимедов, лебедей и проч. Удивительный город! Раз в день непременно подымает он бурно всю внутренность, ударит по всем струнам души, и нигде так часто не сходит на человека то, что называется святыми минутами: как же и любят его художники! Но я еще не имею права говорить об этом, не видав и сотой части его. Две только особенности мне ясны: первая – это народонаселение, которое живет на местах древних римлян, не имея ни малейшего права назвать их своими предками, точно как в забытом дворце управитель помещается в самых комнатах владельца; вторая состоит в том, что всякий захвативший в Рим совершенно отделяется от современности, забывает газеты, Европу, открытия и предается воспоминаниям истории и искусства: другого нет разговора, как статуя, картина, новая находка в этой земле, до сих пор еще наполненной шедеврами древних.

Я опишу вам теперь церемонии страстной и святой недели. В четверг на страстной неделе церковь Петра наполнилась народом. В одной из боковых часовен ее приготовлен был трон со скамейками, которые около двух часов пополудни заняты были кардиналами в красных шапках. У ног каждого из них сел духовный из свиты. Немного подалее, в белом одеянии, помещалось 12 сельских священников, изображавшие апостолов. Ровно в полдень выстрелы с крепости св. Ангела возвестили, что папа выступил из Ватиканских палат своих; он воссел на трон, совершенно закрытый длинною, широкою мантией, концы которой придерживали кардиналы-диаконы, так что видна была одна ветхая голова его, особенно отличающаяся каким-то болезненным, плачущим выражением. Тут кардинал прочел евангелие; другие сняли с него мантию, подвязали фартук, и, окруженный свитой принцев церкви, тронулся он к апостолам, лил из золотой вазы воду на обнаженные ноги их и утирал полотенцем; так свершилось омовение ног, за которым следовало в одной из зал Петра угощение бедных священников. Тихо и не подымая глаз, ходил промежду двух рядов их папа, раздавая плоды, цветы и проч., между тем как принимающие паг дали на колени и целовали руки его. В среду, четверг, пятницу вечером исполнялись в Сикстинской часовне, после псалмов, папскими певчими те духовные концерты, которые под именем Miserere^[129] так славятся в Европе; но я скажу вам, что мне чрезвычайно трудно было привыкнуть к голосу здешних певцов.

Не упоминая вам о других, побочных церемониях, как-то: бичевании при затушенных свечах у иезуитов, о крещении жидовского семейства у Иоанна Латеранского и о всеобщем покаянии, я прямо перейду к обедне светлого, воскресения, совершавшейся самим папою. Начиная с полудня и до ночи, вся суббота гремела выстрелами, которые производились частными лицами в домах посредством петард, маленьких пистолетов и проч. В 10 часов, в воскресенье, предшествуемый кардиналами, швейцарскими латниками в костюмах средних веков, отрядом гвардии своей из дворян, всеми канониками и министрами своими, показался папа

на носилках. Народ, наполнявший церковь, и два ряда солдат, стоявших по обеим сторонам шествия, преклонили колена. Так несом он был при трубном звуке и осеняемый двумя павлиньими опахалами до самого алтаря св. Петра, где, сошед с человеческих плеч и воссев на трон, начал обедню. В 12 часов таким же образом внесли его в колоссальное окно главного фасада церкви. Поднявшись в носилках на ноги и рисуясь таким образом всю фигуру своею на темном фоне балкона, дал он благословение городу и миру. Войско застучало в барабаны, раздались пушечные выстрелы с крепости св. Ангела, и когда все поуспокоилось, еще раз поднялся он, возвел глаза к небу и потом, опустив их на тьму тьмущую народа, наполнявшего площадь, новым благословением отпустил всем грехи. Тут полетели с балкона индульгенции и самый лист всеобщего отпущения вниз; народ кинулся ловить... Балкон опустел. Так кончилась церемония, не произведшая на меня сильного впечатления. Гораздо лучше освещение купола Петровского. Вообразите себе на черном небе горящий, огненный пантеон. Как какой-нибудь неслыханный огромный матовый колпак лампы, висел он над вечным городом. В восемь часов была перемена огней. Еще не затих звук башенного колокола, как непостижимым механизмом облился он весь ярким блеском взамен первого нежного блеска своего, и долго за полночь еще видны были струи огненных полос на колоссальных боках его. Это чудо! В понедельник был фейерверк с крепости св. Ангела – Адриановой ^{130} гробницы. Каскады лились по стенам, на площадках являлись храмы; гром пушек придавал что-то грозное и величественное этому фейерверку, заключившемуся громоносным изображением извержения Везувия. С последнею ракетой кончились торжества, а с тем кончается и сие письмо мое. Будет! Ужаснейшее письмо, когда-либо писанное человеком! Но чудовищная длиннота его должна вам показать, как хотелось бы мне говорить с вами. Неужто не вызовет оно ответа с вашей стороны? Адрес мой, и проч.

VI

Флоренция. 3-го сентября 1841 года.

Не знаю решительно, с чего вам начать рассказы мои. К чему ни повернусь, везде надо говорить долго; предметы толпятся в голове, и ни одному нельзя дать преимущества перед другим: столько разных костюмов, столько разных обычаев, столько чудес разных цивилизаций – древней, XV столетия, арабской – видел я, что, право, нахожусь в положении, начиная это письмо, тех дельфинов и драконов, которые в запустелых бассейнах и садах стоят целые годы с разинутыми ртами, не выплескивая и капельки водицы. О, только бы переехать мне Альпы! За ними письма писать к друзьям уже ничего не значит. Там уже нет этого множества тысячелетий, оставивших заметки, этого мелкого разделения одного народа на множество ветвей совершенно различных и, наконец, этой роскоши гениальных произведений, которые обступают вас, как только беретесь вы за перо, как дети, когда гувернер делит им фунт конфет и когда, выведенный из терпения, принужден бывает кричать: «Отойдите, никому ничего!» За Альпами живешь на почве совершенно известной, определенной, разложенной и оцененной, ясно видишь движение умов, знаешь, откуда началась каждая партия и куда идет. Стоит только в хороший, солнечный день надеть зеленые очки да выйти на улицу или даже и не выходить, а просто посидеть у ворот часочек, и дело кончено: письмо готово. Уже не говорю про то счастливое время для корреспонденции, когда на свете было только 7 чудес...

Я прожил в Риме три месяца: характер города много способствовал к тому. Вообразите себе, что на свете есть столица, куда надо приезжать для того, чтоб войти в самого себя и жить в каком-то благородном и плодovitом уединении, посреди древности и произведений искусства, из которых многие – граница творчества, за какую уж и не перейдут люди. Голос Европы доходит сюда ослабленный и едва внятный; но это не китайское отъединение от всеобщей жизни, а что-то торжественное и высокое, как загородный дом, где работал великий человек. Иногда казалось мне, что Европа нарочно держит этот удивительный город, окруженный мертвыми полями с остатками водопроводов, гробниц и театров, как виллу свою, куда высылает она успокоиться сынов своих от смут, тревог, партий и всякого треволнения. Кроме художников, сюда приезжают все раненые на великих побоищах Европы: здесь живет Дон-Мигуэль^[131], да здесь же жила и Летиция^[132], Наполеонова мать, и всякий раз, Как совершался великий переворот, из Европы пропадает вдруг какое-нибудь громкое имя, а в Риме тихо и незаметно появляется новое. Отсюда Гёте вынес последнее свое аттическое, художническое воззрение на жизнь^[133]. Но как же тихо бывает здесь заезжим нашим туристам, офицерам, советникам, поехавшим прогуляться немного, и проч.! После великого восхождения на купол Петра да осмотра Ватиканских зал, бесконечных, как мне удалось слышать, да посещения ночью, с двумя факелами, Колизея, – хоть удавиться от скуки. Я несколько раз был вопрошаем: что вы делаете здесь так долго? И доходили до меня слухи, что великая эта задача ими же самими и была разрешена следующим образом: у него здесь есть любвишка. А я между тем жил рядом, стена об стену с Гоголем и в сообществе трех или четырех русских художников^[134], которые, можно сказать без пристрастия, при нынешнем направлении живописи к картинам нравов или случайностей (*tableaux de genre*¹⁸) и вообще умелчании искусства, одни только и работают, что называется, по мере сил. Довольно упомянуть о колоссальных трудах гравера Иордана и живописца Иванова, которого «Магдалина» осталась в памяти даже у петербургской публики. Первый уже четыре года трудится над эстампом с «Преображения» Рафаэля, и, может быть, столько же годов осталось для окончания этого подвига; но тогда Европа будет иметь эстамп с этого чуда

¹⁸ Жанровая картина (*франц.*).

Рафаэлева, за которым застала его смерть, эстамп, какого до сих пор у нее нет и не было. Я видел как самую доску, так и рисунок: кажется, невозможно сделать копию более верную и более оживленную духом оригинала. Иванов пишет картину «Появление Мессии»^[135]. Множество групп, уже принявших крещение у Иоанна Предтечи, и несколько лиц, ожидающих его, вдруг поражаются словом учителя, который, простирая руки, с вдохновенным взглядом указывает им вдали на тихо приближающегося Иисуса: «Се Человек, у которого недостоин я развязать и ремень сапога!» Видно электрическое действие этого движения на всех лицах, которое переливается и на зрителя, знающего, что с этого времени начинаются проповеди Иисуса и наша религия... Что еще сказать вам? Одно разве: при всем разнообразии этих лиц нельзя не быть поражену естественностью всех их поз и какою-то эпической простотою целого, которая так хорошо согласуется с евангельским рассказом. При мне также Пименов и Логановский, два русских скульптора, прославившиеся в Петербурге статуями Бабочника и Сваечника^[136], начали вырубать из мрамора новые свои произведения, первый – мальчика, просящего милостыню и так грациозно почесывающего в голове, так нехотя протягивающего руку, но так убедительно смотрящего, а второй – прелестного Абадонну, в тяжелой грусти опустившего голову на грудь и полного печальных мыслей, которые, однакож, нимало не изменили пластической красоты его лица и всех форм.

Однакож я ушел в сторону, а еще заклятие давал себе не распространяться. Назад, назад! Итак, с ними-то жил я... И мы проезжали уединенные римские поля и были в горах, с которых вид на поля – что на море, с тою разницей, что никогда море не навевает на вас такого расположения духа. Были во всех этих местах, прославленных красотою природы, историческими воспоминаниями, дворцами и виллами папских племянников, Альбано, Фраскати, Тиволи, Субиако, и, наконец, углубившись еще далее в горы, на границе Аbruццов, в городах, которые лепятся на вершинах скал, к которым нет дорог и где только один способ сообщения известен: это верхом на осле. В этих городах встретили мы народонаселение совершенно дикое, едва знающее употребление монеты и, кажется, только сейчас вышедшее из первого состояния человека естественного, а la Rousseau^[137]. И это рядом с Римом! Да что! В Сабинских горах есть еще деревни, где говорят по-латыни! Но со всем тем нельзя же даром жить на классической почве; как нынче, так и за несколько веков, люди и народы, приходившие в Рим, всегда уносили еще что-нибудь, кроме богатства его. Это моральное влияние Рима на народ, теперь обитающий около него, отразилось в общности его характера, имеющего что-то гордое, независимое, и проявилось в эстетическом вкусе, ему врожденном. Последнее качество всего более выказывается в празднествах, да не в тех, которые имеют какой-то официальный характер, как торжества святой недели, празднуемые больше, кажется, для иностранцев, чем для Рима, а в национальных праздниках июня месяца^[138], когда знамена с изображением мучениц развеваются по ветру, капуцины со свечами в руках тянутся в длинных процессиях, проповедники на всех углах площадей поучают народ, и на улицах стреляют из петард. Какие тут встречаются женские лица, какие костюмы, и что иногда делают самые незначительные деревнюшки, так просто чудо! Так, например, в Женсано^[139] мостовая, по которой идет духовная процессия, расчерчивается в прихотливые фигуры мелом: по ним сыплются разнородные цветы; в числе этих фигур есть гербы папы, кардиналов, львы, арабески, все из цветов. Мостовая вдруг покрыта великолепным ковром, который, уж без всякого сомнения, превышает все ковры в мире яркостью красок. Едва только минует процессия, как все это количество роз, маку, лилий смешивается и составляет какую-то мраморную грудку. Где же это выдумается, скажите пожалуйста, кроме Рима? Буйные порывы римской черни, случающиеся очень часто и напоминающие времена итальянских республик средних веков, значительны еще тем, что это обыкновенно осуждение какого-нибудь преступления, не подлежащего законам. Так, когда принчипе Дорна^[140], обольстил девушку обещанием жениться на ней и привел ее к смерти обманом и изменой,

народ своротил погребальную процессию жертвы с настоящей дороги и заставил ее пройти мимо дворца принчипе, который после этого и уехал из Рима. Да и сам я был свидетелем, как жестоко был освистан гроб другого принчипе, Пиомбино^{141}, не любимого За скупость и который запер свою великолепную виллу Людовизи и не пускал никого смотреть знаменитые статуи и фрески. Освистали мертвого, освистали совершенно, хоть и полиция наверное знала, что Пиомбино будет освистан.

19-го июля выехал я из Рима в Неаполь, унося с собой воспоминание о всех древних чудесах его, мною весьма подробно осмотренных, из которых иные стоят под открытым небом, поросшие плющом, связываемые новыми полосами железа от времени до времени, или укрепленные колоссальной стеной, как Колизей, и эта стена есть сама по себе великий памятник; другие стоят в великолепных залах Ватикана. Что касается до Рафаэля и Микеланджело, то эти вечные граждане Рима как будто» и не умирали: имена их звучат поминутно, поминутно. Унес я также воспоминание и о патриархальной дешевизне, по случаю которой английские нищие играют здесь роли богачей; об остериях его, где после бутылки орвието, национального вина, похожего на шабли с игрой, да стуфаты, да макарон, да салату, да жареной курицы, призываете человека, а сей, посмеявшись над вашим аппетитом или над чем-нибудь иным и похлопав вас дружественно по бедру, говорит: «Quaranta baiocchi, caro signor Paolo». (Сорок байков, дорогой синьор Павел, то есть 2 рубля). Русские, английские и немецкие фамилии не произносятся, потому что раз уже у одного лопнула артерия от натуги и другие были несчастные случаи.

В Неаполе – о какая разница! – только 150 миль, почти 200 верст от Рима, и уже вы можете в сердцах или для практики поколотить своею палкой всякое досадное лицо из черни. Я приехал вечером, так что мог еще застать представление в Сан-Карло^{142}, потому что спектакли начинаются здесь в 9 часов вечера, когда уже надышится народ вечерним воздухом, который, действительно, после дневного зноя кажется бальзамом, освежающим всю внутренность. Сан-Карло – огромная, вызолоченная зала, совершенно без вкуса. Заплатив 2 р. 40 к. за место, я имел счастье видеть балет «Свадьба гардемарина», где переодетые в морских кадетов танцорки врываются в женский пансион, а потом делают разные воинские эволюции. Танцорки обязаны здесь быть непременно в зеленых костюмах: это такая отвратительная вещь, что описать нельзя: какое-то соединение женщины и лягушки, – и это после строгого, величественного Рима! Впечатление даже болезненно... Я пришел в трактир свой, где потом разломали у меня замок и украли 300 рублей, и камердинер на лестнице спросил с улыбкой: «А не укради ли у вас платок?» Я пощупал карман: платок украли. И таков был первый мой вечер в Неаполе. Но на другой день (я жил на берегу моря, платя за очень хорошую комнату 2 рубля в день) я отворил окно: что за чудная картина открылась глазам моим! Трудно дать понятие о сладострастии, роскошных линиях, неге Неаполитанского залива и других, соседственных ему. Известно, что Неаполь был местом загородных домов римлян. Сюда приезжали они наслаждаться, проживать миллионы, проживать здоровье и жизнь, а некоторые и империю. Имена Лукуллов^{143}

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Катков Михаил Никифорович (1818–1887) – русский литератор, журналист; в 1830–1840-е гг. близок кружку В. Г. Белинского, сотрудник «Отечественных записок» и «Московского наблюдателя», первый переводчик на русский язык «Писем о природе» Ф. Шеллинга и лекций об эстетике Гегеля; в 1860–1880-е гг. – реакционный публицист, редактор журнала «Русский вестник».

2.

...как тень Сумбеки (в балете того же имени)... – Героический балет «Сумбека, или Взятие Казани», поставленный на сцене Большого театра в Петербурге в конце 1830-х годов, балетмейстером А. Бланшем, сыном парижского балетмейстера Ж. Бланша.

3.

Травемюнде – гавань в Любеке, куда всегда привозили русских путешественников, отправлявшихся за границу.

4.

...и девушку, и страдальца, и стихи, и фразу... – Имеется в виду романтическая повесть русского писателя Карамзина Николая Михайловича (1766–1826) «Остров Борнгольм» (1793), написанная под влиянием английского романтизма. Цитата приведена Анненковым неточно. В повести Карамзина читаем: «В горестной задумчивости стоял я на палубе, взявшись руками за мачту. Вздохи теснили грудь мою; наконец, я взглянул на небо, и ветер снес в море слезу мою» (Карамзин Н. М. Избр. соч. М.; Л., 1964, с. 673).

5.

...болтая обо всех вас... – Имеются в виду В. Г. Белинский и его ближайшее окружение в Петербурге: Языков Михаил Александрович (? – 1885), промышленник и литератор, Панаев Иван Иванович (1812–1862), русский журналист и писатель, и др.

6.

...пояснили мне «Германа и Доротею» Гете... – Речь идет о поэме И. В. Гёте, повествующей в гекзаметрах о быте немецкого бюргерства (1797).

7.

...за исключением стен, разрушенных Наполеоном... – В 1806 г. город Любек был захвачен войсками Наполеона и в 1810 г. присоединен к французской империи; в 1814 г. Любек был освобожден и вместе с Гамбургом и Бременом вновь стал вольным городом, с собственной администрацией и на правах союзного государства, входящим в Германский союз.

8.

Лютер Мартин (1483–1546) – деятель эпохи Реформации, основатель протестантизма (лютеранства) в Германии.

9.

...картина Иоганна Гемлинга, одного из учеников Дюрера... – Большой алтарный складень «Страсти Христовы» работы художника старонидерландской школы Мемлинга Гана (1433–1499), ошибочно называемого Гемлингом; Мемлинг – ученик немецкого художника Дюрера Альбрехта (1471–1528).

10.

Каиафа – иудейский первосвященник, собственное имя которого, по свидетельству Иосифа Флавия, римского историка, было Иосиф; согласно легенде, Каиафа был яростным врагом учения Иисуса Христа и повинен в его смерти.

11.

...кидающих жребий об одежде Христа... – Выражение восходит к библейской легенде, согласно которой воины, распявшие Христа, делили его одежду, метая жребий.

12.

Овербек Фридрих (1789–1869) – представитель позднего немецкого романтизма, принадлежал к школе т. н. «назарейцев», обществу австрийских и немецких художников, основанному в Риме в 1808 г.; школа стремилась к возрождению простоты и наивности религиозного монументального искусства средних веков.

13.

...для членов магистрата... – В Германии 1840-х годов магистратом называлась – совокупность городских учреждений.

14.

...расстрелянному в 1813 году за смелые слова... – Эпизод из восстания в г. Любеке против французского владычества в 1813 г.

15.

...маленький штраф за позднее вступление в город... – Намек на полицейский режим, усилившийся в Германии после французской революции 1830 г. и возродивший средневековый обычай.

16.

Меланхтон Филипп (1497–1560) – протестантский богослов, сподвижник М. Лютера, вставший после его смерти во главе лютеранства в Германии.

17.

Франк Пауль (1540–1596) – фламандский художник, автор картины «Шествие на Голгофу».

18.

Stadt-театр – Городской театр, основанный после закрытия в 1768 г. Гамбургского национального театра.

19.

Гиммель, правильно Гуммель, Иоанн Непомук (1778–1837) – пианист и композитор, ученик В. А. Моцарта.

20.

Тальберг Сигезмунд (1812–1871) – австрийский пианист и композитор, ученик Гуммеля; гастролировал в России в 1839 г.

21.

Фильд Джон (1782–1837) – композитор, пианист и педагог; долгое время жил в России, упоминается в романе Л. Толстого «Война и мир».

22.

«Норма» – опера итальянского композитора В. Беллини (1801–1835), впервые поставленная в миланском театре в 1831 г.; написана по трагедии французского драматурга Ф. Сулье (1800–1847) на либретто итальянского драматурга Ф. Романи (? – 1865).

23.

«Лукреция» – «Лукреция Борджиа», опера итальянского композитора Г. Доницетти (1797–1848), написанная по драме В. Гюго того же названия на либретто Ф. Романи; впервые поставлена в 1833 г. в миланском театре «La Scalla».

24.

Я вам не говорю о бирже... – Знаменитая гамбургская биржа, открытая в 1554 г. В письме Анненкова к братьям из Гамбурга читаем: «Но самое главное в городе, так как он вольный и торговый, это биржа: просто старый, темный, готический навес, но в час под этим навесом собирается весь Гамбург, площадь между банком и биржей наводняется толпами, и тут кончаются все сделки и ворочаются миллионы» (ИРЛИ, ф. 7, ед. хр. 3, л. 4).

25.

...ллойдовой кофейне Гамбурга. – Кофейня в Лондоне конца 17 – нач. 18 вв., принадлежала Эдуарду Ллойд, возглавлявшему английское акционерное общество морского страхования.

26.

«Фрелих» – представление на открытой сцене (Freilichbuhne).

27.

...в погреб, где пьянствовал Гофман. – Немецкий писатель-романтик Гофман Эрнест Теодор Вильгельм Амедей (1776–1822), живя в Берлине, большую часть вечеров проводил в винном погребе Лютера и Вегнера, где его собеседником был немецкий актер, глава актерской династии Девриент Людвиг (1784–1838). В память об этих вечерах в погребе висела картина работы неизвестного художника, изображавшая собеседников.

28.

Вердер Карл (1806 —?) – немецкий философ и драматург, с 1834 г. приват-доцент на кафедре философии Берлинского университета.

29.

Гото Генрих Густав (1802–1873) – немецкий ученый гегелевской школы, историк и теоретик искусства, профессор Берлинского университета.

30.

Ранке Леопольд фон (1795–1886) – немецкий историк, основатель немецкой историко-критической школы.

31.

Фарнгаген, иначе Варнаген, Энзе Карл Август фон (1785–1858) – немецкий писатель и критик, много сделавший для популяризации русской литературы в Германии.

32.

...у Е<лагиных>... – Речь идет о популярном литературном салоне Москвы в 1830–1840-х годах, хозяйкой которого была Елагина (по первому мужу Киреевская) Авдотья Петровна (1789–1877), мать известных славянофилов И. В. и П. В. Киреевских.

33.

«Отечественные записки» – русский общественно-политический и литературно-художественный журнал демократического направления, выходил в Петербурге с 1839 по 1884 г., до 1866 г. под редакцией А. А. Краевского.

34.

...повесть Гребенки «Верное лекарство»... – Нравоописательная повесть украинского писателя Гребенки Евгения Павловича (1812–1848); повесть напечатана в «Отечественных записках», 1840, кн. VII.

35.

...университет поглощает всю жизнь и все толки лучших умов Берлина... – Берлинский университет, основанный в 1808 г. немецким ученым В. Гумбольдом, был в первую половину XIX в. центром образования в Европе. В него стекались слушатели из всех европейских стран, в том числе и из России; Н. В. Станкевич, Н. П. Огарев, И. С. Тургенев, М. А. Бакунин были студентами Берлинского университета.

36.

Гропиус Фердинанд (1796 —?) – художник сцены, работал для Stadt-theatr, член известной фирмы Gebruder Gropius.

37.

...г-жа Тальони (сестра нашей по мужу)... – Брат известной итальянской балерины Марии Тальони, гастролировавшей в Петербурге, также танцовщик, был женат на балерине Амалии Гольстер.

38.

Зейдельман Карл (1793–1843) – немецкий актер, зачинатель реалистического театрального искусства в Германии, был близок прогрессивным культурным деятелям группы «Молодая Германия». По свидетельству К. Либкнехта, любимый актер К. Маркса.

39.

...в роли Полониуса... – персонаж драмы Шекспира «Гамлет».

40.

... транспарант с изображением Мефистофеля, по рисунку Ретча... – «Гравюры в очерках» (28 листов) к драме «Фауст» Гёте, созданные немецким живописцем и гравером Ретцшом Фридрихом Августом Морисом (1779–1857); гравюры Анненков видел у своего друга и друга В. Г. Белинского, Боткина Василия Петровича (1811–1869), известного русского литератора.

41.

...«Нафан Мудрый» Лессинга... – Речь идет о драме «Натан Мудрый» немецкого писателя и теоретика искусства Лессинга Готхольда Эфраима (1729–1781).

42.

Шинкель Карл Фридрих (1781–1841) – немецкий архитектор, автор проекта старого музея в Берлине.

43.

...я посетил прежнее жилье Фридриха Великого... – Потсдам был резиденцией Фридриха II, прозванного Великим (1712–1786), прусского короля с 1740 г.

44.

Кистер – привратник в лютеранской церкви.

45.

...я говорю о поле битвы... – Речь идет о Лейпцигской битве 16–19 сентября 1813 г., в результате которой войска Наполеона I были разбиты войсками коалиции. В память об этой битве на холме «Трех монархов» была возведена пирамида, установлен памятник австрийскому фельдмаршалу Шварценбергу Карлу Филиппу (1771–1820) и камнем отмечено то место, где утонул маршал Понятовский Юзеф (1763–1813), а также место, где был расположен штаб Наполеона.

46.

...знаменитый погреб Ауэрбаха... – Винный погребок в Лейпциге, на Ауэрбаховом подворье, связанный с легендой о докторе Фаусте; в погребе находились две картины, изображавшие эпизоды из легенды.

47.

...бургомистр объявляет народу о побиении ганзеатических купцов в Новгороде... – Речь идет об уничтожении новгородской конторы Ганзейского союза в Новгороде при великом московском князе Иване III.

48.

Валенштейн, правильно Вальдштейн, Альбрехт Венцлав Евсей (1583–1634), герцог Фридляндский и Мекленбургский, главнокомандующий имперскими войсками в Тридцатилетнюю войну; убит по приказу императора; герой драматической трилогии Ф. Шиллера, «Смерть Валенштейна» – заключительная часть трилогии (1789).

49.

...с остатками замка кровожадного Либуши... – Анненков допустил ошибку: Либуши (Libuse) – персонаж древних чешских сказаний, отличалась мудростью и даром предвидения; с именем этой мудрой девы, по преданию, связано основание Праги и установление первых чешских законов.

50.

...Богемия играла некогда добрую роль в европейской истории. – Имеются в виду революционное движение в Богемии, иначе Чехии, в XV в., известное как гуситская война, по имени ее вождя Яна Гуса, а также упорная борьба чешского народа против католицизма и габсбургского ига в период Тридцатилетней войны (1618–1648).

51.

...но здесь совсем другая жизнь. – Намек на отсутствие всяких общественно-политических интересов в Вене, о чем непрестанно заботился австрийский канцлер Меттерних, вдохновитель Священного союза. На это же указывал и Ф. Энгельс в своей статье «Роль насилия в истории» (опубликована в 1895–96 гг.): «Внутри страна была застрахована от всякого, даже самого слабого, политического движения абсолютистским произволом, единственным в своем роде даже в Германии» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 432).

52.

Штраус (Страус) Иоганн (1804–1849) – австрийский композитор, дирижер, автор популярных вальсов. Следуя привычке знакомиться с знаменитостями, Анненков познакомился и с И. Штраусом, о чем пишет братьям в письме из Вены: «Я сказал ему, что слава его весьма громка в Петербурге и что следовало бы ему приехать туда и самому удостовериться в ней, на что с улыбкой он ответил, что у него большая семья, т. е. 300 человек музыкантов, составляющих его оркестр, и что с ними трудно, а без них не для чего и ехать» (ИРЛИ, ф. 7, ед. хр. 3, л. 14).

53.

Ланнер Иосиф Франц Карл (1801–1843) – австрийский композитор, автор танцевальной музыки, пианист и дирижер.

54.

...потанцевать на публичных балах, которых здесь бездна... – Имеется в виду стремление правительства отвлечь население столицы от политических интересов; в письме к братьям Анненков уточняет свою мысль: «Нигде не видел я такой заботы, чтобы веселились все классы общества, как здесь» (там же, л. 15).

55.

...нашел я здесь Заикина... – Заикин Павел Федорович (1810 —?), отставной гусар, университетский товарищ Белинского. В письме Анненкова к братьям о Заикине сказано: «Он из Москвы, служил в армейских гусарах и приехал сюда лечиться. Его знают Комаров и Белинский» (там же, л. 13 об.).

56.

Каравансерай – большое общественное строение на Востоке в средние века для приюта путешественников.

57.

...на который много действует пребывание в городе Лудвига Тика... – В 1825 г. немецкий писатель-романтик Людвиг Тик (1773–1853) был приглашен в качестве консультанта-режиссера в Дрезденский придворный театр, где проявил себя подлинным реформатором, следуя театральной эстетике Лессинга.

58.

...пьесы принцессы Амалии. – Имеются в виду пьесы Амалии Анны (1739–1807), герцогини Саксен-Веймарской, которая не только покровительствовала писателям и художникам, но и сама была автором пьес, игравшихся на придворном театре Дрездена.

59.

Бауер Каролина (1807–1877) – немецкая актриса, выступала в Вене, Дрездене» гастролировала в Петербурге.

60.

Паули Людвиг Фердинанд (1793–1841) – немецкий драматический актер.

61.

...муж и жена Девриенты... – Речь идет о немецких актерах из актерской династии Девриентов – Девриенте Эмиле (1805–1875) и его жене Девриент Доротее (1805–1882).

62.

...упомяну о музее Менгса... – Основатель музея скульптуры, преимущественно античной, в Берлине Менгс Антон Рафаэль (1728–1779), немецкий художник.

63.

...отыскивая всего более книг и табаку. – Намек на полицейский режим и политику государственных монополий, введенных канцлером Меттернихом. В письме к братьям Анненков пишет: «Забыл сказать, что нас три раза осматривали в Праге и в Вене, что по приезде все сами должны являться в полицию для получения дозволения жить в городе» (ИРЛИ, ф. 7, ед. хр. 3, л. 13).

64.

...реакция Лютера была так сильна, что уничтожила все это. – В отличие от католицизма, протестантизм, насаждаемый в Северной Германии М. Лютером в 1520–1540-х годах, отказался от всякой излишней обрядности и внешней обстановки при богослужении, в том числе от икон и статуй святых, которые наполняли католические храмы.

65.

...книжками в руках. – Речь идет о Библии, которую Лютер положил в основу протестантской религии и перевел на немецкий язык, чтобы сделать доступной народу.

66.

...при начале Тридцатилетней войны выброшены были депутаты. – Имеется в виду чешское восстание против австрийских Габсбургов, начавшееся 23 мая 1618 г., когда австрийские наместники в Чехии были выброшены восставшими из окна Пражского града; во главе восстания стоял граф Турн Генрих Матвей (1580–1646); чешское восстание явилось началом войны 1618–1649, известной под именем Тридцатилетней.

67.

...башня Делиборки... – Башня для особо важных преступников, названная по имени ее первого узника рыцаря Делибора из Казоеда, укравшего в своем поместье восставших крестьян соседнего феодала.

68.

...старание писателей и ученых Богемии о сохранении народности и языка. – Речь идет об освободительном движении в Чехии конца XVIII и первой трети XIX вв., проходившем в условиях национального угнетения, глубокого упадка чешской культуры, а потому связанном с борьбой против насильственного онемечивания, за развитие национальной чешской культуры.

69.

Ганка Вацлав (1791–1861) – чешский ученый-филолог, отличавшийся русофильством.

70.

...дает им Краледворскую рукопись... – Памятник древнеславянской письменности, изданный впервые Ганкой в 1827 г. в «Strabyła skladań», в 1852 г. переведенный на все славянские и некоторые европейские языки. Впоследствии Краледворская рукопись была признана искусной подделкой самого Ганки.

71.

Срезневский Измаил Иванович (1812–1880) – русский ученый-филолог, славист, этнограф. Его деятельность была необычайно многогранна и отличалась демократической направленностью. В 1839 г. Срезневский выехал за границу, где провел почти три года, изучая во время путешествия по Чехии, Моравии, Силезии, Черногории, Венгрии местные говоры и собирая славянский фольклор.

72.

...имеет право давать книги для чтения... – В письме к братьям Анненков уточняет: «Здесь никто не читает, и привычки такой нет. И только одна библиотека, где можно подписывать книги, а в других запрещено и только велено продавать книги, да какие же и продают! «Робинзон Крузо», «Матильда, или Крестовые походы»» (там же, л. 15).

73.

О многих творениях, известных всей Германии, и помину нет. – Имеется в виду политическая и интеллектуальная изолированность Австрии при Меттернихе. Об этом же Анненков писал и М. Н. Каткову, который остался в Берлине: «Австрию решительно считаю немецким Китаем» (ИРАН, 47 43 XXIV б.).

74.

Грильпарцер Франц (1791–1872) – австрийский писатель, драматург, исследователь театрального искусства; с 1832 г. находился на государственной службе, но не принимал меттерниховского режима и постоянно конфликтовал с цензурой. Ф. Энгельс писал о нем своему другу Ф. Греберу 5 февраля 1840 г.: «Я прочел очень милую комедию Грильпарцера из Вены «Горе тому, кто лжет»; она значительно выше всей той дребедени, которая именуется в наше время комедией. Там и сям дает себя чувствовать благородный, свободный дух, придавленный невыносимым бременем австрийской цензуры» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 41, с. 442).

75.

Анастасий Грюн (псевдоним графа Ауерсперга Антона) (1806–1876) – австрийский поэт, в своих произведениях выступал против реакционной политики Меттерниха.

76.

Морелли Аламанно (1812–1893) – итальянский композитор и дирижер.

77.

...о рококо-бале в Сперле... – Известный в Вене танцевальный зал «Zum Sperl», где выступали Ланнер и И. Штраус-отец со своими оркестрами.

78.

...о сувенир-бале в Бирне... – Венский танцевальный зал «Golden Birne».

79.

...о флора-бале в Элезиуме. – Венский театр «Neues Elysium», где с 1840 г. проводились костюмированные балы, ставились пантомимы и давались театрализованные представления.

80.

Ларош Карл (1794–1884) – немецкий комедийный актер, в 1830–1840 годах играл в венском Бург-театре.

81.

Нейман Луиза (1817–1888) – немецкая актриса, играла в комедиях и водевилях.

82.

Бург-театр – крупнейший австрийский театр, открытый в Вене в 1741 г. под названием Королевский театр при дворе. В 1840-е годы Бург-театр отличался антифеодальным, прогрессивным направлением, в нем ставились пьесы Шекспира, Шиллера, Лессинга, Грильпарцера.

83.

...ее три народных театра... – Театры в предместьях Вены, любимые простым народом. Особой популярностью пользовался Леопольдштадт-театр, открытый в 1786 г.

84.

Нестрой Иоганн Непомук (1801–1862) – австрийский драматург и актер, представитель венской народной комедии.

85.

Стирия, правильно Штирия – земля в Австрии.

86.

Иллирия – Иллирийские провинции, вассальное от Франции государственное объединение (в 1809–1814 гг.) словенских и хорватских земель. Решением Венского конгресса 1814–1815 гг. их территория была закреплена за Австрией, которой принадлежала до 1849 г. Название произошло от иллирийцев – племен, населявших в древности эту территорию.

87.

Коринтия, правильно Каринтия, или Корушна – словенская земля, входившая в Иллирийские провинции.

88.

...профессоров-славянофилов. – Представители одного из направлений русской общественной и философской мысли 1830–1840-х годов, такие, как Беляев Иван Дмитриевич, историк права, Попов Александр Николаевич, историк, и др., выдвигавшие теорию об особом пути развития России.

89.

...где был зарезан Винкельман. – Злодейское убийство немецкого ученого, искусствоведа, основателя классической археологии Винкельмана Иоганна Иоахима (1717–1768); совершено выпущенным из тюрьмы преступником, вкравшимся в доверие ученого.

90.

Портофранко – приморская гавань, пользующаяся правом беспошлинного ввоза и вывоза товаров.

91.

«Сильфида» – балет на музыку Ж. Шнейцгрффера, либретто Ц. Нодьера в постановке парижского балетмейстера Филиппа Тальони; в 1835 г. балет был поставлен на сцене Большого театра в Петербурге балетмейстером А. Титюсом по проекту Тальони; в 1837 г. на петербургской сцене в этом балете дебютировала знаменитая балерина Мария Тальони (1804–1884), дочь Ф. Тальони.

92.

Прокураторы – поверенные в делах, уполномоченные.

93.

Палладио Андреа (1508–1580) – итальянский архитектор.

94.

Лонген Балтазар (1598–1682) – венецианский архитектор.

95.

Сансовино Андреа (собственно Кентучи) (1460–1529) – итальянский скульптор и архитектор.

96.

Тассо Торквато (1544–1595) – итальянский поэт, жил при дворе герцогов д'Эсте, правителей Феррары.

97.

Рижский Иван Сергеевич (1761–1811) – профессор риторики и логики, автор сочинения «Опыт риторики, сочиненной и преподаваемой в С.-Петербургском горном училище» (1822, СПб., изд. 2-е).

98.

Индальгенции – покупаемые за деньги отпущения грехов.

99.

Фениче – один из крупнейших театров Италии, открытый в Венеции в 1892 г.

100.

Ронкони Джорджано (1810–1890) – итальянский оперный певец (бас).

101.

...хотя два солдата с ружьями и стоят по обеим сторонам оркестра... – Намек на реакционный режим Меттерниха, державшего под строгим надзором полиции и цензуры культуру итальянских городов, входивших после 1815 г. в Австрийскую империю.

102.

...потолков лепантских победителей... – Подразумевается победа, одержанная венецианцами у г. Лепанто во время войны с Турцией в 1570–1573 гг.

103.

Иванов Николай Кузьмич (1810–1877) – русский певец-тенор, дебютировавший в 1841 г. на итальянской сцене.

104.

...венецианская школа живописи... – Одна из главных школ живописи Италии, сложилась в XVI в.

105.

Фальери Марино (1278–1355) – венецианский дож, был казнен после раскрытия заговора, целью которого было низложение Совета десяти, верховного правительства Венецианской республики.

106.

«Santa Maria, ora pro nobis!» – Начало известной католической молитвы: «Святая Мария, молись за нас...»

107.

Подеста – консул в средневековых итальянских городах.

108.

...шарадами князя Шаликова. – Шаликов Петр Иванович, князь (1767–1852), второстепенный русский поэт и журналист, эпигон романтизма; упоминаемую в тексте шараду Шаликова Анненков расшифровывает в письме к братьям: «Мое первое – река в Италии, мое второе – имя, а третье – происходит, когда на второе смотришь» (ИРЛИ, ф. 7, ед. хр. 3, л. 25).

109.

...где жила прекрасная Леонора д'Эсте. – Дворец правителей Феррары, герцогов д'Эсте, к семье которых принадлежала Элеонора; в нее, по преданию, был влюблен Торквато Тассо; эта любовь послужила одной из причин, благодаря которым Тассо впал в немилость правителей Феррары и был заключен на восемь лет в госпиталь св. Анны.

110.

...в изображениях несчастной любви Торквато драматиками. – Трагедия Т. Тассо, как поэта и человека, не раз служила предметом поэтического творчества: о Тассо писал Н. К. Батюшков, Д. Г. Байрон, И. В. Гёте; последний написал драму «Торквато Тассо» (1780–1789), в центре которой история любви поэта к Элеоноре д'Эсте.

111.

...творца «Орландо»... – Речь идет о итальянском поэте Ариосто Людовико (1474–1533), авторе знаменитой поэмы «Неистовый Роланд» (1516–1532).

112.

...устроился с жизнью лучше пылкого, несчастного Торквато.... – Л. Ариосто в продолжение большей части своей жизни пользовался покровительством кардинала Ипполита и брата его, герцога Альфонса Феррарского II; сам поэт, однако, очень тяготился этим покровительством.

113.

...неудачная ее революция... – Революционное восстание в Болонье, входившей в Папское государство, направленное против папы Григория XVI, известного реакционера; восстание продолжалось два года (1831–1832) и было жестоко подавлено австрийцами.

114.

...старый университет ее... – Болонский университет – один из старейших в Европе, основан в XII в.; слушатели стекались в него из всех стран мира, в их числе, как и в числе преподавателей университета, были женщины; болонский университет окончили такие великие ученые, как Куза, Коперник, Ульрих фон Гуттен.

115.

...впал в летаргическое состояние... – После необычайной творческой активности великий итальянский композитор Россини Джоакино Антонио (1792–1868) с 1829 г., года окончания оперы «Вильгельм Телль», долгое время не писал оперной музыки.

116.

...имела свою школу живописи... – Болонская академическая школа живописи XVII–XVIII вв., основателями которой были итальянские художники братья Карраччи: Агостино (1557–1602), Аннибале (1560–1609) и Лодовико (1555–1619).

117.

Доминикино (Dominico Jampierri) (1581–1641) – итальянский художник, последователь братьев Карраччи.

118.

Рени Гвидо (1575–1642) – итальянский художник, гравер и скульптор, особенное значение имеют его ранние произведения, позднее в его живописи появляются черты академизма под влиянием братьев Карраччи.

119.

Павел апостол – по преданию, ученик Иисуса Христа.

120.

Иоанн евангелист – по преданию, автор одной книги евангелия, возвещающей учение Иисуса Христа.

121.

Августин Блаженный Аврелий (1354–1430) – христианский теолог.

122.

Мария Магдалина – персонаж истории христианства.

123.

Капуцины – члены монашеского католического ордена, основанного в 1525 г.; для этого ордена характерна фанатическая преданность папе и строгий устав; бедность соединялась у капуцинов с невежественностью, их называли пролетариями среди монахов.

124.

...королем своим считают дона Карлоса... – После смерти короля Испании Фердинанда VII претендентом на престол стал его брат, инфант испанский дон Карлос Мария Исидор Бурбон де (1788–1855); он опирался на поддержку католических кругов Испании и папы; династический конфликт привел к первой карлистской войне (1834–1839); после поражения дон Карлос бежал во Францию.

125.

Кабрера (дон Рамон, граф Морелло) (1810–1877) – генерал-капитан карлистов.

126.

Эспартеро Бальдомеро (1792–1879) – испанский генерал и государственный деятель, отличился в борьбе с карлистами и в то же время возглавил оппозицию против регентши, королевы Марии Христины, жены Фердинанда VII; после ее бегства в Англию в 1841 г. был избран регентом.

127.

...и революционные мысли свои... – Правление Марии Христины, регентши при малолетней дочери, королеве Изабелле, отличалось некоторым либерализмом, она вела упорную борьбу с карлистами, опирающимися на клерикалов; после выхода замуж за королевского телохранителя, по требованию кортесов, отреклась от престола и покинула Испанию.

128.

... отыскал Гоголя, который и указывает мне точки для наблюдения... – Н. В. Гоголь с осени 1840 г. жил и работал в Риме. Приехав в Рим, Анненков поселился рядом с Гоголем, переписывал под его диктовку 1-й том «Мертвых душ», который Гоголь готовил к изданию, и был попутчиком писателя в его прогулках по окрестностям Рима.

129.

Miserere – псалом, начинающийся словами: «miserere mei, Domine» – «Помилуй мя, боже».

130.

Адрианова гробница – гробница римского императора Адриана (76–138 н. э.).

131.

Мигуэль Мария Эверест дон (1802–1866) – третий сын португальского короля Иоанна IV, сторонник абсолютной монархии; добивался с оружием в руках королевской власти и не раз высылался из Португалии; конец жизни провел в Германии.

132.

Летиция Рамолино (? – 1836) – жена корсиканского дворянина Карло Мария Бонапарте, мать Наполеона I.

133.

...художническое воззрение на жизнь. – Имеются в виду «Римские элегии» Гёте, написанные в 1790 г. на основе итальянских впечатлений.

134.

...жил рядом, об стену с Гоголем и в сообществе трех или четырех русских художников... – По приезде в Рим Анненков поселился рядом с Гоголем, возобновив старые приятельские отношения; Гоголь познакомил его со своими друзьями, художниками из России, которые жили в Риме; это художник Иванов Александр Андреевич (1806–1858), скульптор Пименов Николай Степанович (1812–1864), скульптор Логановский Александр Васильевич (1810 (или 1812) – 1855) и гравер на меди и стали Иордан Федор Иванович (1800–1883). Подробно о своей жизни в Риме Анненков сообщал братьям: «Пишу вам, любезные братья, последнее письмо из Рима, почти перед отъездом в Неаполь; провел я здесь три месяца, больше, чем хотел: долго буду помнить об этом городе. Причина этому – главное Гоголь, а потом несколько русских художников, с которыми познакомился я, и жили мы, таким образом, весело, осматривая все, что есть лучшего, обедали вместе – не видели, как пролетели три месяца» и дальше: «К пяти часам уже дома и отдыхаю до 6 или 7, а потом обед и после – поездка на загородную виллу Боргезе или Памфила-Дориа, и там, под кипарисами, платанами, кустами роз, гуляли до времени захождения солнца. Вечером у нас (мы живем об дверь с Гоголем, на горе Пинчино, где были сады Нерона и где он погребен, в частном доме, платим 30-х в месяц, а за прислугу 5-х) образуем из вышеупомянутых лиц бостончик по 1 1/2 копейки, и по окончании всегда выходит, что либо 30 копеек проиграл, либо 15 копеек выиграл» (ИРЛИ, ф. 7, ед. хр. 3, л. 35; письмо частично и с искажениями опубликовано в ЛН, т. 58, с. 605). См. также: Лит. воспоминания, с. 89–91.

135.

«Появление Мессии» – первоначальное название картины Иванова «Явление Христа народу».

136.

...статуями Бабочника и Сваечника. – Скульптуры Пименова «Русский парень, играющий в бабки» (1836) и Логановского «Русский юноша, играющий в свайку» (1835).

137.

...a la Rousseau... – Руссо Жан Жак (1712–1788), французский писатель и философ, проповедовавший в своих сочинениях необходимость для человека вернуться назад к природе, к естественному состоянию.

138.

...в национальных праздниках июня месяца ... – Эти праздники восходят к глубокой древности и связаны с культом богини Юноны.

139.

Женсано, иначе Дженсано – об обычае этого города выкладывать улицы замысловатыми узорами из цветов писал Гоголь в статье «Рим».

140.

Дориа – знаменитый генуэзский род, правивший в Генуе в XIII–XIV вв.

141.

Пиомбино – знатный итальянский род.

142.

Сан-Карло – известный неаполитанский театр, открытый в 1737 г., на его сцене ставились оперы Россини и Доницетти.

143.

Лукулл Луций Лициний (ок. 117 – ок. 56 до н. э.) – римский полководец и политический деятель, прославившийся роскошью жизни и богатством пиров, вошедших в поговорку («лукуллов пир»).